

ШТЕФАН
Дарце

роман

ПРИЗРАК

из прошлого

16+

STEFAN DARIE

Призрак из прошлого

«ЛитРес: Самиздат»

2019

DARIE S.

Призрак из прошлого / S. DARIE — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вы думаете, каждый человек может жертвовать собой ради счастья другого человека и что может оказаться тем определенным эквивалентом гарантий безоблачности жизни? Какая причина для расставания способна победить в конкурсе самых нелепых, и возможно ли потом за той чертой вернуть все обратно? Штаты и Англия, 90-е и 2000-е, меняются мода, музыка, тенденций, люди умирают, рождаются дети, а любовь и ревность, верность и предательство всё так же рулят судьбами людей. Ответы на волнующие вопросы вы найдете в этом любовно-интригующем романе.

© DARIE S., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Апрель 2017, Лондон

В элегантном платье цвета марсала с соблазнительным декольте, украшенном кулоном-маятником, Софи расположилась в мягком плюшевом кресле в ночном баре «Селлар Дор». Она наблюдала за происходящим, как форвард за игрой со скамейки запасных, отстранившись от гремящей музыки и громкой болтовни.

Погрузившись в воспоминания и скучая в одиночестве, она перелистывала в памяти почти забытые страницы: первая любовь, юношеская порывистость, порождённая склонностью к необдуманным поступкам, которая была свойственна ей, как и многим, в четырнадцать лет. Сейчас-то, в свои двадцать, была уверена Софи, она уже может контролировать свои чувства и превращать недостатки прошлого в достоинства, оставаясь девушкой гордой и невинной, как поцелуй белых лилий.

Неожиданно её взгляд выхватил в луче прожектора профиль парня, от которого исходила какая-то особая мужская притягательность. Поддавшись то ли минутной прихоти, то ли женскому тщеславию, Софи вдруг почувствовала желание, пугавшее и манившее её одновременно. Она внезапно захотела, чтобы этот парень выбрал именно её – её, а не тех легкомысленных девушек возле барной стойки, которые слетались, как мотыльки на свет, в поисках любовных приключений. Поглощённая этим чувством, Софи опустила глаза, делая вид, что ничего такого не заметила.

И когда рядом вдруг раздались шаги, её ресницы вздрогнули. Она подняла глаза и увидела улыбчивого шатена:

– Говорят, Натали Вуд тоже была довольно стеснительной красавицей. Может, немного вина?

От неожиданности Софи с трудом смогла сохранить невозмутимость, стараясь не выдать ни одним движением охватившую её панику.

– Спасибо, но... нет! И почему вы решили вспомнить американскую актрису, которая утонула при загадочных обстоятельствах?

– О, я об этом не знал... Просто у вас такие же, как у неё, красиво очерченные губы и миндалевидные глаза.

Её глаза расширились, на лице появилось удивлённое выражение.

– Не думаю. К тому же считаю, что не каждую девушку можно соблазнить вот так вот запросто.

Она посмотрела на него чуть иронически, но парень, не растерявшись, снова попытался привлечь её внимание.

– Возможно. Но... знаете что? Цвет вашего платья напомнил мне цвет сицилийского вина. Может, всё-таки выпьете капельку? Или ваш девиз – «Неукоснительно придерживаться решённого ранее»?

– Остроумно. Решили зайти с юридических козырей? – в её голосе послышался оттенок сарказма.

– Ах вот оно что! – удивился парень. – А я всё не мог вспомнить, где видел знакомое лицо. В Оксфорде! Точно, я не ошибся! Отделение права?

– И даже если вы меня там видели, это не даёт вам права на что-либо претендовать. Определённо не тот случай.

– Ну разумеется! – примирительно улыбнулся парень и занял соседнее кресло, стараясь ничем не проявить страстное желание удержать её.

– Хотите удовлетворить своё любопытство? К сожалению, я уже собираюсь домой.

– Ну зачем так торопиться, мисс... Меня, кстати, зовут Дарен, а вас?

На этот раз его откровенный взгляд, полный обожания, заставил её испытать незнакомые ощущения и улыбнуться в ответ.

– Софи.

– Софи... Замечательное имя! Когда его произносишь, кажется, будто видишь, как раскрывается нежный весенний цветок. Я только одного не могу понять: в Англии все девушки такие гордые?

– Да неужели? А вы разве не англичанин?

– Нет, я американец, из Калифорнии.

– Тем не менее, – сказала Софи, вставая и протягивая ему руку, – хорошего вечера и приятно повеселиться, Дарен!

– Спасибо, Софи, но позволь хотя бы проводить тебя!

– Не думаю, что в этом есть необходимость. – Софи кокетливо улыбнулась и решительно направилась к гардеробной. Некоторые парни, забыв о своих девушках, с нескрываемым интересом провожали её взглядом. И, пока Софи надевала свой бежевый тренкот, Дарен оказался рядом с плащом в руках.

– Извини, Софи, но я не могу оставить тебя одну.

При свете уличного освещения Софи удалось рассмотреть нового знакомого получше. Карие глаза, губы красивого рисунка, прямой узкий нос, лёгкая щетина, спадающая на лоб челка, стильный костюм... Но больше всего её привлекли тонкое чувство юмора и настойчивость, с которой он добивался её внимания.

Софи туго завязала пояс тренкота, тряхнула локонами и закинула ремешок сумочки на плечо.

– Дарен, хочешь по правде? Я уже подустала от настойчивых ухаживаний крутых плейбоев. Хочешь стать следующим?

– Софи, ну зачем же так! Я знаю, у красивых девушек бывают свои причуды... А ещё я знаю, что многие вместо принца на белом коне из заоблачных далей часто получают никчёмных ловеласов и потом глубоко в них разочаровываются. Не хочу навязываться, выбор за тобой, но в любом случае со мной тебе ничего не грозит. Я тебя просто провожу. Позволь! – и Дарен, не дождавшись согласия, смело взял её за руку. – Ооо! – он с удивлением поднёс к глазам её пальцы.

– Что такое? – она высвободила свою руку и сунула её в карман тренкота, чувствуя горящий след его руки.

– Подожди, Софи, не прячь руку. Просто с такими пальцами, как у тебя, обязательно нужно играть на музыкальном инструменте!

– Спасибо, Дарен, я не знала. Ну, мне вообще-то в другую сторону, в Западный Лондон.

– Хорошо, Софи, но сегодня же уик-энд, куда торопиться? Пожалуйста, побудь со мной ещё чуть-чуть. А потом я отвезу тебя домой. И раз мы встретились, да ещё и учимся в одном университете, давай это отметим! Приглашаю тебя в один паб, ты там наверняка ещё не была, – «Ye Olde Chesire Cheese». Это совсем рядом, хорошее тихое место, без пьяных криков и громкой музыки.

– Дарен, а как насчёт моего мнения? Не успел ты со мной познакомиться, а уже командуешь! – возразила Софи со смехом, внутренне, однако, уже согласившись с его предложением. – Ладно, вижу, от тебя так просто не отделаешься. И домой пока что-то не хочется... Хорошо, пошли, только ненадолго, – сказала она мягким голосом, способным растопить любое мужское сердце, и последовала за Дареном в сторону Стрэнд-стрит.

Над Лондоном раскинулась на удивление тёплая апрельская ночь. Одета в чёрный бархат с ярко блестящими звёздами, она заглядывала в окна домов и простиралась над загадочно мерцавшей Темзой, где звёзды, сталкиваясь с волнами, рассыпались на тысячи крошечных точек.

Дарен, крепко сжимая руку Софи, взглянул на небо.

– Софи, посмотри, как звёзды мигают! Как будто пульсируют в такт с твоим сердцем. Говорят, где-то там, на краю земли они срываются в глубокий океан.

– Наверное, так и есть, раз говорят. А я бы сейчас спустилась к Темзе – подумать о вечном.

– Можно и мне с тобой?

Она улыбнулась в знак согласия, и они весело зашагали по опустевшей ночной площади Ланкастер-плэйс.

Вскоре они достигли намеченной цели и расположились за стойкой паба. Дарен, заказывая бутылку красного вина и фрукты, взглянул на висящий над барной стойкой постер группы U-2. Заметив его взгляд, Софи спросила:

– Дарен, увлекаешься музыкой?

– Да, немного. Если хочешь, могу тебе сыграть на гитаре.

«Интересно, кем он себя воображает? Одно могу сказать наверняка: он не похож на заносчивых англичан, которые только и делают, что боятся дать девушке повод для надежды на взаимность. Может, и вправду хороший парень?»

– Конечно, Дарен, я очень хочу послушать твою игру!

Они пожирали друг друга взглядом, чувствуя исходящее от собеседника тепло даже через всю длину разделяющего их стола. Неожиданно Дарен наклонился к Софи, но она резко отстранилась, думая, что он хочет её поцеловать.

– Не подумай чего плохого, Софи, я только хотел взглянуть на твой кулон... – и, сам себе противореча, коснулся губами её лба и почувствовал нежный аромат кожи.

... В тот вечер у Софи в ночном баре Селлар Дор была назначена встреча с другим парнем, с которым они познакомились на вечеринке у её однокурсницы Элен. Но по воле случая, из-за того, что такси попало в пробку, Софи опоздала на свидание. Спустя час после условленного времени парня в баре не было: наверное, обиделся и ушёл.

Но жизнь – как вереница образов в портретной галерее, и один образ всегда сменяет другой. Софи будто взглянула в зеркало души и увидела спрятанный в его глубине образ парня, о котором давно уже мечтала. Хотя и говорят, что девушки выбирают парней, похожих на отца, но не в случае Софи. Она никогда не видела своего отца, мать воспитывала её одна. И всё же, охваченная новым, неведомым ей чувством, она была уверена, что знакомство с Дареном – не случайность: он послан ей богом как результат подсознательного поиска идеального парня.

Несколько часов рядом с Дареном вполне хватило для того, чтобы понять, что её прежний мир исчез, и родился другой мир, абсолютно новый. В тот вечер она почувствовала что-то необъяснимое, бушующее, страстное. То, что доводит до истерики, безумия, приступов ревности, наполняет человеческую душу искрящимся светом, а дни и ночи – неземной радостью и счастьем. Что-то безрассудное, что толкает на необдуманные поступки. И даже может убить.

Так случилось, что за короткое время Софи без памяти влюбилась в Дарена, погрузившись в манящий водоворот эмоций. Из-за того, что Софи смотрела на их отношения сквозь розовые очки, она часто без видимой причины ревновала, охваченная навязчивыми мыслями, а иногда её угнетала и выводила из себя собственная робость. Это было настоящее испытание для только что зародившихся чувств. Её настроение часто менялось, когда Дарен не появлялся на занятиях или долго не отвечал на звонки. Софи становилась грустной и часто не выходила из своей комнаты в их с матерью доме в Западном Лондоне.

В один прекрасный день, когда Софи вернулась из Оксфорда, её мать Стефания наконец решила выяснить причину частых перепадов в настроении дочери.

– Софи, дорогая моя, что с тобой происходит? Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Мама, прошу тебя, мне нужно побыть одной! Извини. – Она обняла мать и вдруг разрыдалась. – Мама, прости меня, я очень тебя люблю, но... Понимаешь, я... влюбилась...

– Да что ты, дорогая моя? А когда это случилось? – мать крепко прижала её к себе. – И почему же ты плачешь, солнце моё? Это прекрасное чувство, ты должна радоваться, а не плакать! Кто этот счастливец?

– Один парень из универа, с моего профиля, американец.

– И... что произошло? Вы поссорились?

– Мама, представляешь, у него телефон второй день вне зоны доступа, а мне очень хочется с ним поговорить... И я его ревную, просто дико ревную!

– Бедная моя девочка! Но это же, извини меня, просто чушь – ревновать непонятно из-за чего человека, которого любишь. Ты должна учиться доверять ему. Примирись со своей судьбой, прими его таким, какой он есть. Милая, есть вещи в жизни, за которые мы и только мы сами в ответе.

Мать гладила заплаканную Софи по плечу, испытывая чувство глубокой материнской нежности и сострадания.

– Софи, дочка, никогда не забывай: ты самое дорогое, что у меня есть. И меня очень беспокоит, что ты так себя накручиваешь. Я так хочу оградить тебя от ненужных ошибок! Знай, что этот твой порыв когда-то пройдёт; правда, их будет ещё много, но это не повод не радоваться жизни, наслаждаться каждым прожитым мгновением!

Немного помолчав, она добавила:

– Как-то слишком быстро всё у вас происходит... А знаешь, Софи? Чтобы я успокоилась, пригласи-ка своего бойфренда к нам в гости. Хочу с ним познакомиться. Что скажешь про эти выходные?

Софи вытерла слезы и с радостью согласилась.

– Да, мама, давай так и сделаем! Уверена, Дарен тебе непременно понравится, он необыкновенный. Вот увидишь, он очень хороший. Думаю, вся проблема во мне. Ну ладно, мамуля, готовься, тебя ждёт приятный сюрприз!

Глава 2

Спустя две недели. Уик-энд, конец мая

Пасмурное небо покрыто дождевыми тучами, которые ещё не уступили место ярким солнечным дням.

Ближе к полудню, когда мелкий дождик перестал моросить, Дарен стал собираться в гости. Он надел лучший костюм и повязал белый галстук-бабочку, чтобы порадовать Софи и произвести приятное впечатление на её мать, положил гитару в чехол, накинул плащ и торопливо вышел из дома. По дороге заглянул в соседний магазин, купил композицию из роз, сел за руль арендованного «Ровера» и через час в соответствии с назначенным временем остановил машину у дома, расположенного по Норкрофт Роуд в Западном Лондоне.

Он подошёл к белому парадному крыльцу, сжимая цветы и гитару в руке, и постучал по деревянной двери металлическим кольцом. Через несколько секунд ему открыла дверь высокая женщина с красивыми голубыми глазами, одетая в элегантный домашний халат. Для своих пятидесяти она выглядела довольно привлекательно. Кожа её лица казалась необыкновенно нежной и прозрачной.

– Здравствуйтесь, сэр, – сказала она тихим спокойным голосом, – полагаю, вы долгожданный гость Софи? – и протянула ему руку: – Я – мама Софи, меня зовут Стефания.

– Здравствуйтесь, мадам! Я Дарен. Для меня большая честь с вами познакомиться! – любезно ответил парень и осторожно поцеловал руку женщины. – Пожалуйста, это вам!

Женщина улыбнулась и взяла цветы.

– Благодарю вас, очень мило. Пожалуйста, проходите!

Парень вошёл в дом и проследовал за хозяйкой по длинному коридору в гостиную, интерьер которой свидетельствовал о благосостоянии хозяйки.

– Располагайтесь, как вам удобно. Если есть необходимость, прямо и направо – ванная, можете ей воспользоваться. Я сейчас же вернусь, – сказала женщина и скрылась за соседней дверью.

Дарен, довольствуясь тонкой полоской света, пробивающейся сквозь полуоткрытые полотна штор оливкового цвета, прислонил гитару к уютному мягкому дивану и стал разглядывать дизайн интерьера, подчёркивающий чисто английскую сдержанность и упорядоченность. В середине комнаты располагался небольшой деревянный стол, окружённый несколькими стульями, на нём были расставлены кувшин воды с лимоном, бутылка красного вина, пара фужеров, два канделябра и столовые приборы, под которых были подложены белоснежные салфетки. Камин, изысканно отделанный мрамором, близким по цвету к обоям, привносил ощущение комфорта и классической гармонии. На каминной полке декоративные безделушки соседствовали с фотографиями в позолоченных рамках. На фото была запечатлена Стефания с маленькой дочуркой на руках. Неожиданно взгляд Дарена остановился на снимке, где рядом с ними стоял какой-то молодой парень.

«Это, наверное, брат её матери? Отца нигде не видно. Может, у Софи такая же судьба, как у меня?» – вдруг подумал Дарен и сам удивился тому, что до сих пор не расспросил её о семье и родных.

Женщина вскоре вернулась, держа в руках большую миску с салатом и форму с запечённым хумусом с апельсиновым соком. Аппетитный запах защекотал парню ноздри. Стефания осторожно опустила горячее блюдо на керамическую подставку, поставила рядом миску, взяла ложку и вилку, аккуратно перемешала листья салата с помидорами черри и авокадо и посыпала салат жареными кедровыми орешками. Проделав всё это, легко присела за стол и улыбнулась.

– Присаживайтесь, Дарен, и не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома! – она лопаткой разрешила хумус и положила порцию ему на тарелку. – Софи скоро вернётся, побежала за сво-

ими любимыми сконами, а вы пока угощайтесь. Мы с вами можем и поговорить, чтобы не было скучно, если вы не против.

– Спасибо, мэ, с удовольствием! – согласился Дарен, присаживаясь напротив.

– Так вы и есть тот самый завоеватель сердца моей дочери, о котором она мне так часто рассказывает?

– Да, мадам! – уверенно ответил парень.

– Я очень тронута вашим визитом. Сама настояла, чтобы вы пришли, потому что хотела лично с вами познакомиться. Вы живёте в Лондоне?

– К сожалению, нет, мэ, пока что в Оксфорде. Устроился в кампусе при университете, хотя – да, мечтаю переехать в Лондон.

Дарен с удивлением заметил печальный взгляд и опущенные ресницы женщины, за которыми скрывалась глубокая тоска.

– Простите за вопрос, Дарен, но... считаете ли вы мою Софи зрелой девушкой, способной отвечать за свои поступки?

– Да, мэ, вполне! Софи не только умеет подчинять эмоции разуму, она к тому же обладает весьма развитым честолюбием и своеобразной зрелостью суждений. У нас много общего во взглядах, и нас объединяет дружба. Мне кажется, мы во многом с ней похожи.

Дарен не счёл уместным признаться, что влюблён в Софи, хотя Стефании парень очень понравился, и это делало его приятным собеседником.

– Знаете, Дарен... Мужчины часто заблуждаются и принимают заигрывания девушки за зрелое чувство. Важно понимать и то, что и дружба порой налагает немало обязательств, одно из них, думаю, – это искренность.

– Я с вами полностью согласен, мэ, на этом и держится наш союз, – уверенно ответил он.

– Приятно это слышать. Полагаю, вы сегодня нам сыграете?

– Конечно, с удовольствием, миссис Стефания.

Когда разговор перешёл на музыку, Дарен откинулся на спинку стула и стал с интересом рассказывать о современных группах, концертах, любимых музыкантах, а потом и о классической музыке. Он утверждал, что музыка – это универсальный язык, понятный каждому. И был приятно удивлён, когда выяснилось, что мать Софи – большая поклонница Бетховена. Дарен с радостью согласился, что «Лунную сонату» превзойти невозможно, и она навсегда останется одним из лучших произведений всех времён и народов.

– Так, значит, вы американец? А как вы оказались в Англии?

– Да, мадам, я приехал из Америки, из Калифорнии. Так получилось... Мой отец захотел, чтобы я окончил Оксфордский университет, отделение английского права. Хотя я...

– Вы сказали это с сожалением. Разве вам не нравится выбранный профиль обучения?

– Вообще-то не очень, мэ. Я всегда хотел заниматься музыкой, с тех пор, как понял, что музыка – это не просто набор звуков, а искусство, творчество. Первые уроки музыки я получил от отца. А потом он почему-то наотрез оказался поддержать меня в желании посвятить себя музыке. Я был вынужден последовать его воле и поехал учиться в Оксфорд.

– О, даже так. Он у вас такой строгий? И вы всегда выполняете его указания?

– Да нет, просто я очень люблю его. Всё, что у меня есть, – это только благодаря папе. Он самый лучший отец на свете.

Женщину явно чем-то взволновал этот разговор. Она налила стакан воды и протянула парню.

– Возьмите, выпейте немного воды с лимоном.

– Благодарю, мэ! – парень сделал пару глотков и поставил стакан на стол.

– Знаете, вы меня заинтриговали. Любопытно, чем занимается ваш отец, которым вы так гордитесь.

– О, мой отец – человек, успешный во всём, он сам воспитывал меня с малых лет. А главное – он прекрасный профессиональный музыкант, часто ездит с концертами по Америке.

– Так вы, получается, росли без матери?

– Да, к сожалению, это так, мэм. Маму я не помню, родители разошлись, когда мне было всего два года. Потом я узнал, что у мамы были проблемы с алкоголем. Очень жаль, но она рано ушла из жизни.

– Ох, мне тоже очень жаль. Простите, простите, я не хотела вас огорчить, – разволновалась женщина.

– Ну что вы, всё в порядке, – успокоил её парень.

Женщина замолчала и задумалась о чём-то своём, словно перелистывая страницы памяти.

– Калифорния. Калифорния... Простите, а о каком конкретно городе идет речь?

– Лос-Анджелес, мэм. Если точнее, мы живём в городке в преддверии Лос-Анджелеса – в Пасадене, – с гордостью ответил парень. – Может, вы не знаете, но это самый прекрасный город на земле. Наш дом на Ист-Маунтин стрит, и мы с папой... – Дарену пришлось прервать свой рассказ, потому что его собеседница почему-то резко побледнела. Он выжидательно смотрел на неё, не понимая, что происходит.

– Вы сказали – Ист-Маунтин стрит?! – спросила потрясённая женщина и, пытаясь налить себе воды, чуть не опрокинула кувшин. Дрожащей рукой она всё же наполнила фужер и жадно опорожнила его. Дарен чувствовал себя крайне неловко.

– Да, мэм, Ист-Маунтин стрит, 1063. Почему это вас так встревожило? Простите, мэм, но это и правда мой адрес! Может, я сказал что-то лишнее? Пожалуй, мне лучше уйти. Простите...

– Нет-нет, прошу, останьтесь, пожалуйста! У меня просто закружилась голова. Сейчас пройдёт. Посидите со мной... – попросила женщина, собираясь с мыслями и с трудом возвращаясь к реальности. Вдруг она схватила парня за руку.

– Что с вами, мадам? – Дарен испуганно отдёргнул руку.

– Дарен! Пожалуйста, ради Бога, мне очень важно знать имя вашего отца. Пожалуйста, скажите мне, как его зовут, – в отчаянии умоляла Стефания.

Дарен был ошарашен такой резкой переменой в поведении женщины. Мысли чередой проносились в его голове. «При чём тут мой отец? Зачем она спрашивает его имя? За кого она меня принимает? Вроде бы я ничего такого не сказал... Чем я мог её обидеть? Может, Софи пожаловалась на меня? Но до сих пор она была в прекрасном расположении духа, что же произошло? Она разве знакома с моим отцом? О чёрт! Вообще не надо было сюда приходить. И Софи почему-то нет... Странно. Я, наверное, влип в неприятную историю».

Парень решительно встал со стула.

– Простите, мэм, но я говорю правду, моего отца зовут Вилль!... Может быть, вы слышали о нём? Он достаточно известный американский композитор и певец, и... – парень запнулся в растерянности, не закончив фразы.

От какого-то, безусловно сильного, потрясения женщина, услышав произнесённое Дареном имя, охнула и уронила на пол пустой фужер, одной рукой схватившись за сердце, а другой опёрлась о край стола. «Господи, боже, помоги мне... Только не это... Вильмонт! Это он... Я знала, знала, это божья кара... Это он... Но нет, этого не может быть...», – шептала она в забыты.

Дарен быстро придвинул к ней стул.

– Присядьте, мадам. Вам плохо? Вы совсем побледнели. Присядьте. – Парень протянул ей руку, чтобы она могла опереться. – Простите, я всё-таки лучше пойду. Я не хотел вас расстроить. Я... не понимаю, что происходит. Вы разве знакомы с моим отцом?

От волнения у него пересохло во рту, и он начал заикаться. Женщина никак не реагировала на его слова. Она стояла, раскачиваясь из стороны в сторону, и, казалось, вот-вот упадёт. После пережитой в прошлом аварии координация у Стефании оставалась слабым местом.

Как только Дарен помог ей расположиться на диване, она потеряла сознание.

Испуганный парень не знал, что ему делать. Наконец его взгляд остановился на телефоне, и он стал судорожно набирать номер экстренной помощи. Но руки дрожали, пальцы не слушались, телефон в конце концов выскользнул из его рук на пол и разбился. В этот момент в коридоре послышались шаги, и раздался громкий голос Софи:

– Мапочка, где ты? Я вернулась. Дарен уже приехал?

Войдя в гостиную с бумажным пакетом в руке, она окинула взглядом непонятную сцену, уронила на пол пакет и бросилась к матери.

– Маааам... мааама, что с тобой? Мапочка! – бормотала она, тормоша мать и пытаясь привести её в чувство.

– Даааарен! Что всё это значит? Что здесь произошло? Объясни мне! Вы с мамой поссорились? Скажи мне, чёрт возьми! Почему ты до сих пор не обратился в экстренную помощь? Ты что, слепой, не видишь – она еле дышит!

Софи схватила свой телефон и быстро набрала номер. Ей ответили, что вызов принят и врачи скоро будут. Она намочила холодной водой салфетку со стола и приложила к лицу матери. Наконец Стефания открыла глаза.

– Мапочка, милая! Что с тобой? Зачем ты меня пугаешь? Ну, ну, успокойся, всё будет хорошо, скоро приедут врачи, – и одновременно через плечо вопросительно взглянула на растерянного парня.

– Дарен!!! Чёрт возьми, скажи мне, что произошло? Почему ты молчишь, Дарен? Как ты довёл мою маму до такого состояния?

Не услышав в ответ ничего, она истерически закричала:

– Молчишь? Тогда забирай свою гитару и проваливай! Чтоб ноги твоей здесь больше не было! Я всё равно узнаю, что между вами произошло. И если ты обидел мою маму, то знай, я никогда тебя не прощу. А пока забудь мой номер и больше никогда не звони! А я-то думала, что нашла нормального парня... Не хочу тебя видеть! – продолжала она выкрикивать, всё больше поддаваясь эмоциям. Её крики в конце концов вывели Дарена из оцепенения.

– Софи, я... я... я клянусь, Софи... Я ни в чём не виноват, клянусь тебе. Твоя мама всего лишь спросила, как зовут моего отца, и, как только я назвал его имя, потеряла сознание. Я не понимаю, что происходит. Может, они знакомы? – попытался объяснить Дарен.

– Ты что, бредишь? Не видишь, что ты наделал, дурачком прикидываешься? Мама не могла просто так взять и потерять сознание. Она может умереть, ты это понимаешь? При чём тут твой отец? – бросала она обвинения, всё больше поддаваясь гневу. – Ничего удивительного, что тебя считают тупым плейбоем. Уходи прочь из моего дома!

Она, наверное, недооценила силу чувства вины, которое и так испытывал Дарен, и добила его:

– Ну, чего застыл? Исчезни, вон отсюда! Ненавижу тебя!

Этими словами она положила конец всему. С разбитым сердцем и чувством досады Дарен, взяв гитару и плащ, направился к выходу. Так сильно его ещё никто никогда не унижал. Он был буквально разбит, не в силах понять, за что Софи с ним так. Ведь он же ничего плохого не сделал, и так искренне любит её...

Вскоре подъехала экстренная помощь. Врачи привели Стефанию в чувство. Оказалось, ничего серьёзного, обычный обморок.

Глава 3

Спустя несколько дней

Софи только что проснулась, но встать из постели была не в силах. Она долго лежала с открытыми глазами, рассматривая причудливые тени на потолке. За прошедшее время она так и не смогла добиться от матери правды. Со слов Стефании выходило, что Дарен ни в чём не виноват, и Софи необоснованно обвинила его чёрт-те в чём, унизила, довела до того, что он бросил учёбу в Оксфорде и вернулся в Америку. Как теперь с этим жить?

Случившееся выбило Софи из колеи. Все прошедшие дни она боролась с нахлынувшими мыслями и эмоциями. В очередной раз признавшись самой себе в совершённой ошибке, она уткнулась лицом в подушку и громко зарыдала. В голове будто что-то плавилось, а тело сотрясали ледяные волны. Она не могла найти для себя достойного объяснения своему глупому поведению, в одно мгновение разрушившему её надежды на счастье.

Сейчас Софи уже была готова всеми мыслимыми и немыслимыми способами вымалывать прощение у Дарена, сделать всё, чтобы доказать ему свою любовь и во что бы то ни стало вернуть свою единственную настоящую половинку. Её сердце было разбито и истерзано. «Зачем судьба послала мне любовь, если я не смогла сохранить её?» – вновь и вновь с горечью вопрошала она себя.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась мать. На её благородном лице лежала тень глубокого страдания. Она тоже была так измучена, словно ходила по бутылочным осколкам и раскалённым углям: говорила тихо, из последних сил стараясь держать себя в руках.

– Софи, милая, прошу, перестань сидеть целыми днями взаперти. Не мучай меня и себя. В конце концов, мужчины этого не стоят. Возьми себя в руки и выше голову! Наверное, тебе надо смириться с тем, что случилось. И мне тоже очень-очень стыдно, что всё так вышло. Не понимаю, что на меня нашло, наверное, это последствия аварии. Софи, поверь, мне больно видеть, как ты изматываешь себя, страдаешь, мучаешься. Я пытаюсь тебе помочь, но ты не хочешь принимать помощь. Ну послушай меня, прошу!

– Я тебя слушаю, мама, – равнодушно ответила Софи.

– Да, Дарен хороший парень, судя по всему, умный, успешный. Он довольно воспитанный и грамотный, у него, конечно, есть перспективы и, скорее всего, его ожидает хорошее будущее. Но, милая моя, он тебе не пара. Я не вижу его рядом с тобой, у вас мало общего. И потом, он живёт в Америке, и к тому же помешан на музыке. Ты становишься мученицей своих неосознанных иллюзий. Человек искусства часто мечется среди своих идеалов и грёз, пренебрегает необходимыми условностями, поневоле бросается на поиски нового вдохновения, пока всё это беспощадно не сжигает его самого. Так что прекрати бы ты лучше строить иллюзии на этот счёт.

– Мама, о чём ты говоришь? Перестань уже повторять одно и то же, как старая пластинка. Ты хотя бы себя слышишь? Посмотри мне в глаза и повтори это ещё раз. Правда же, самой смешно? Все вокруг говорят, что мы друг для друга созданы и похожи, как две капли воды. А ты почему-то пытаешься доказать обратное.

– Ну постой, не кипятись, солнышко моё, ты сейчас как слепая, ничего кроме него не видишь. Я знаю, ты по уши влюблена, но это... всего лишь порыв, и он пройдёт. Я тебе уже говорила, что ты должна учиться и постепенно забудешь его. Даже хорошо, что он уехал, потому что... потому что он тебе не нужен. Прощу, милая, ради меня, перестань думать о нём.

И так изо дня в день: Стефания твердила одно и то же, умоляла Софи чуть ли не на коленях навсегда забыть про Дарена. Но чем горячее были просьбы матери, тем сильнее сопротивлялась Софи. В конце концов нервы дочери не выдержали, и она взорвалась:

– Мама, да прекрати уже! Что за перспективы ты мне тут рисуешь? Ты уверена, что знаешь мою судьбу и мои желания лучше меня? Ты собираешься учить меня жизни? Очень мило! Ты уже один раз постаралась, когда мне было четырнадцать. А вот сейчас я тебе не позволю вмешиваться в свою личную жизнь, и без тебя отлично справлюсь! Объясни мне, что произошло? Почему ты упала в обморок, услышав имя незнакомого человека? Просто так взяла и потеряла сознание? Очевидно же, что ты знакома с этим человеком! Расскажи мне, кто он? Я хочу наконец узнать эту чёртову правду! И кстати – почему ты никогда не говоришь о моём отце? Кто он такой? Где живёт? Я хочу его увидеть! Почему, почему каждый раз, когда речь заходит о нём, ты уводишь разговор в другую сторону? Почему не отвечаешь честно на мои вопросы? Живой он или нет, всё равно, я имею право узнать правду!

Для Софи это был сложный психологический момент. Она пока что не понимала, что, к сожалению, правда не всегда нужна и уместна. Она порой безжалостно калечит и разъедает душу человека.

– Прости, милая, это единственный раз в жизни, когда я не знаю, что тебе ответить, – растерянно произнесла Стефания. – Я сама про твоего отца мало что знаю. Мы расстались двадцать лет назад, и мне о его судьбе ничего не известно. Твой парень мне напомнил кое-кого из прошлой жизни, я кое-что вспомнила, ну и мне стало плохо. С кем не бывает? Зачем ворошить прошлое, дорогая?

Стефания изо всех сил старалась скрыть правду от дочери. Она пыталась успокоить её разными отговорками, но безуспешно. Дочь упорно стояла на своём. Ей нужна была правда и ничего кроме правды. Поняв, что ей не удастся мирно решить этот конфликт, Стефания серьёзно занервничала. Она как будто написала свой окончательный приговор на гербовой бумаге и зачитала его своей дочери на повышенных тонах, голосом строгой начальницы солидного учреждения:

– Нет и ещё раз нет, Софи, моё решение не обсуждается! Я запрещаю тебе любое общение с этим человеком. Не вынуждай меня забирать у тебя телефон и компьютер! И пожалуйста, не уговаривай меня, у тебя ничего не получится! Я не позволю какому-то никчёмному музыкантишке испортить тебе жизнь. Хватит уже прятаться от самой себя, это всё может очень плохо кончиться. И поставим на этом точку, я устала и больше не могу. Завтра чтоб была в университете!

Положив конец разговору, она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Слова матери обрушились на Софи как стихия, снежная лавина, на пути которой невозможно выстоять. «Лучше провалиться сквозь землю, чем слушать весь этот бред. И это говорит моя собственная мать! Как после этого её любить, жить с ней под одной крышей? Она хочет разрушить моё счастье? Ну уж нет! Я лучше...».

Все последующие дни Софи продолжала сидеть взаперти, игнорируя занятия в университете. Из-за неё мать была вынуждена тоже сидеть дома, пропуская работу в издательстве. У Софи дрожали руки каждый раз, когда она прикасалась к телефону или компьютеру. За несколько дней она написала Дарену в соцсетях больше двух тысяч сообщений, на которые не было ни единого ответа. Эта ситуация с каждым днем всё больше угнетала Софи, превращая её жизнь в настоящее безумие.

Исчезновение любимого, надоедливые нотации матери, серая рутина повседневности, транквилизаторы, которые она глотала пачками, хождение по кабинетам психологов и экстрасенсов безо всякого результата, – такова была жизнь Софи в последнее время. Бедная девушка блуждала в тумане страдания, всё больше теряя желание жить, ибо жизнь её с каждым днём утрачивала всякий смысл. Софи погрязла во мраке отчаяния, от которого, казалось, нет спасения. Все чаще её стали посещать суицидальные мысли, отравляя мозг и затягивая сознание в смертоносную паутину. Это была и не жизнь вовсе, а тягостное, унылое существование.

Так продолжалось около месяца, пока Стефания не осознала, что окончательно теряет дочь. В один из этих непростых дней, собравшись с мыслями, она позвала Софи в свою комнату и со слезами на глазах завела трудный для себя и дочери разговор.

– Милая моя Софи, знай, что ты моя единственная радость, смысл всей моей жизни! И ты даже не представляешь, как долго я готовилась к этому разговору. Целых двадцать лет! Двадцать мучительных лет. Я была уверена, что уже давно сбросила с сердца этот тяжёлый груз, простилась с горькими воспоминаниями и перевернула кошмарные страницы своей жизни. Но, видимо, я ошибалась. Странная штука память – ничего так просто из неё не стирается. Вот и пришёл тот день, когда надо расплачиваться за ошибки. Не зря говорят: если мы делаем кому-то хорошее или плохое, оно рано или поздно отразится и вернётся обратно к нам. И я очень хочу, чтобы ты не повторила мою горькую судьбу.

Она глубоко вздохнула и продолжила:

– Я тогда была ненамного старше тебя, мне было двадцать пять. Жила в Америке на острове Коронадо, училась в университете Сан-Диего. Там совершенно случайно я познакомилась с мужчиной. Правда, не в самых приятных обстоятельствах. Я безумно влюбилась, думала, это на всю жизнь. Как и ты, была в эйфории, на седьмом небе, мечтала о счастье и парила в облаках. Я любила его так искренне, так страстно! Каждым вздохом, каждой клеточкой. А потом оказалась на самом дне, будто рухнула в пропасть с огромной высоты. Боль была невыносимая, как острая бритва, которая ежеминутно пронзала мне сердце. Я была в полном отчаянии, меня окружала глухая пустота, вокруг были какие-то глухие стены, которые ещё и постоянно рушились, и мне всё время буквально не хватало воздуха, я не могла дышать... Да, я задыхалась, умирала, но всё-таки выжила, и выжила потому, что во мне билось ещё одно сердечко, дышала еще одна пара лёгких, которые принадлежали... – Её речь прервал поток слёз. – Принадлежали тебе... моя любимая, единственная, дорогая Софи! Ты вернула меня на этот свет и дала мне второй шанс на жизнь!

Глава 4

1995 год, август, Лос-Анджелес

Лето – это время, когда хочется радоваться жизни и в полной мере чувствовать эту радость. Душа замирает в ожидании чуда и верит, что оно непременно свершится. Неважно где – под голубым небом, в душном городе, среди буйства цветов, в тени зелёной рощи или в саду из белых камелий, – лишь бы почувствовать миг счастья, ощутить дыхание вечности.

Время перевалило за полдень. Вильмонт, ощущая в воздухе алытовый, насыщенный красками и печалью августовский тон, замедлил ход машины, приоткрыл окно и невольно зажмурился от яркого солнца. Ласковый ветер с океана, словно потрескивая от жары, ворвался в салон белого внедорожника и мгновенно заполнил его своим ароматом.

– Чего застыл? – удивился Кристофер. – Мы вроде как опаздываем!

Но Вильмонт будто полностью отрешился от действительности. На него нахлынуло смутное ощущение, подобное дежавю. «Почему каждый раз, когда я приезжаю в этот город, у меня появляется необъяснимое предчувствие?» Сегодня даже небо сияло как-то по-другому, с каким-то необыкновенным лазурным оттенком. Улицы, как извилистые коридоры огромного замка, так и манили отправиться в путь по их причудливым лабиринтам. Пляшущие сполохи солнца, похожего на ослепительный факел, изливали на город потоки зноя. Густые ветви деревьев тихо шелестели, бросая на дорогу необыкновенные, причудливые узоры теней.

В этой странной отрешённости затуманенные глаза Вильмонта неожиданно перехватили пристальный взгляд молодой девушки, словно захмелевшей от ожидания любви, в котором пылал пожар чувственной страсти. Девушка стояла у края дороги, видимо, собираясь пересечь её по переходу.

– Эй, Вильмонт, куда смотришь? Следи за дорогой!

Громкий голос Кристофера мгновенно вернул Вильмонта к реальности. Он с удивлением обернулся на друга и машинально вдавил педаль газа. Огромный железный конь, стоявший в нескольких шагах от пешеходного перехода, громко вздрогнул и рванулся вперёд, как пушечный снаряд.

– Стой! Стой, чёрт тебя возьми! – закричал Кристофер. Растерянный Вильмонт едва успел нажать на тормоз, и машина заглохла прямо посреди перехода.

– Эй, ты что, мать твою, свихнулся? О чём думаешь, чёрт тебя возьми? Смотри, ты чуть не сбил девушку! – продолжал кричать Кристофер.

Вильмонт в потрясении застыл на водительском сиденье. На лбу выступила испарина, перед глазами замелькали чёрные точки. Сердце глухо и сильно стучало. Дрожащей рукой он вытащил из подлокотника бумажную салфетку, вытер лоб и, швырнув салфетку в пепельницу, пулей вылетел из машины. Почувствовав под ногами земную твердь, он опомнился и направился к девушке, которая так и стояла, замерев перед бампером внедорожника. От пережитого испуга она вся тряслась и даже выронила на дорогу какую-то книгу. Нагнувшись за ней, девушка неловко пошатнулась и, если бы не вовремя удержавшие её крепкие руки Вильмонта, упала бы на асфальт рядом с книгой.

– Ох, мисс! С вами всё в порядке? Простите, прошу вас, ужасное недоразумение... Ради всего святого, простите, что заставил вас волноваться!

– Волноваться? Ничего себе! Из-за вашей невнимательности я пережила кое-что большее – настоящий ужас, если вы не поняли! На таких, как вы, нужно заявлять в полицию! – возмутилась девушка и провела ладонью по лицу, будто отгоняя морок.

– Позвольте мне, – Вильмонт заглянул под машину в поиске завалившейся туда книги и поднял её, а вместе с ней – ещё какую-то бумажку. Он, сам того не замечая, сунул бумажку

в карман, отряхнул книгу от пыли и бегло прочёл на обложке название: «Паоло Джордано. Одиночество простых чисел».

– Пожалуйста, мисс, вот ваша книга, и простите меня за невнимательность. Понимаете, на меня что-то нашло... когда я увидел вас.

– Пожалуйста, не надо меня успокаивать, лучше уезжайте поскорее. Видите, вы уже привлекаете внимание прохожих, а скоро здесь объявится ещё и полиция. И благодарите бога, если успеете вовремя смыться!

Она достала из сумочки леденец, положила под язык, сделала пару шагов и зачем-то оглянулась. Глаза её широко раскрылись, на лице появилось озорное выражение.

– А вообще-то вы берегите себя, а то вот так и проспите всю жизнь!

Вильмонт немедленно устремился вслед за девушкой и осмелился схватить её за руку.

– Мисс, не уходите! Куда же вы? Пойдите! Я хочу вам сказать...

– Эй-эй, мистер, вы что себе позволяете? А ну отпустите мою руку!

Вильмонт повиновался, провожая девушку грустным взглядом, пока она не растворилась в толпе прохожих. От неё остался в воздухе еле уловимый аромат страсти, который безумно кружил голову. В затылке ещё сильнее запульсировало, земля под ногами покачнулась, а мысли утонули в бездонной пропасти чувств.

За внедорожником, перекрывшим дорогу, уже собрался длинный хвост машин. Крики и сигналы водителей, а потом и возмущённые вопли Кристофера вывели Вильмонта из оцепенения. Он открыл дверцу, завёл машину и направился к намеченной цели – Конвеншн-центру, где проходила международная выставка по инвестициям в недвижимость. В машине Вильмонт долго молчал: ему было неловко от всего случившегося. Время от времени улыбаясь собственным мыслям, он подглядывал то на всё ещё сердитого Кристофера, то на поднятую с дороги визитку, на которой было напечатано «Луиза Диалло. Библиотека Мишен Вэлли, 2123, Фэнтон парквэй, Сан-Диего», и номер телефона.

Спустя две недели

Всё это время Вильмонта не покидала мысль о чуть не сбитой им незнакомке, и он то и дело порывался набрать её номер. Но каждый раз сомнения снова побеждали, и он оттягивал момент. Вот уже год прошёл с тех пор, как он расстался со своей девушкой, и всё это время оставался неуязвимым для женщин, старательно избегая их настойчивых атак. Ему надоели бездарные интрижки и череда случайных связей с неинтересными, алчными женщинами, которые от одного прикосновения теряли голову и на первом же свидании раскрывали самые сокровенные секреты (или, возможно, делали вид, что раскрывали). Хотя с каждой из них он обращался достойно, мечтая испытать хотя бы отблеск той нежности, которую он испытывал в далёкой юности к девушке из колледжа по имени Мишель.

В один прекрасный день, когда в сознании окончательно засела мысль начать поиски незнакомки, Вильмонт решил больше не откладывать и отправиться в Сан-Диего. Он чувствовал в душе какой-то осадок вины из-за почти совершённого наезда на девушку и надеялся только на свою удачу и слепое везение. Уточнив график работы библиотеки, он решил не торопиться и приехать ближе к вечеру. Но получилось так, что он выехал из Лос-Анджелеса довольно поздно и не подумал о возможных пробках, поэтому до Сан-Диего добрался с опозданием. Добравшись до Фэнтон парквэй лишь к половине восьмого вечера, он стал судорожно искать в ряду зданий, обрамлявших оживлённую площадь, библиотеку Мишен Вэлли. Вскоре удача улыбнулась Вильмонту – он стоял перед зданием весьма необычного дизайна. Вильмонт окинул его заинтересованным взглядом, испытывая странное волнение, и с оглушительно бьющимся сердцем двинулся навстречу неизведанному. Он даже не мог вспомнить, когда в последний раз был так взволнован и счастлив.

Перед ним распахнулись двери библиотеки. Наверное, из-за чувств, которые он испытывал, ему показалось, что это лучшая библиотека на свете. Длинная галерея на первом этаже

вела в просторный зал с высоким куполом, представляющим собой настоящее произведение искусства, по периметру которого шла вереница окон. В центре зала возвышались уникальные колонны, похожие на деревья с подвешенными к ним металлическими пластинами. Вдоль стен тянулись многоярусные стеллажи, шкафы, заполненные десятками тысяч книг. Цветовая палитра книжных переплётów привлекала клиентов, подолгу задерживая их в читальном зале и заставляя пролистывать книгу за книгой. Подняться на верхний этаж, откуда открывался удивительный вид на город и гладь реки Сан-Диего, Вильмонт не успел. Оказавшись перед длинным столом для выдачи книг, он надеялся встретить свою таинственную Луизу и ещё раз попросить прощения за недостойный поступок. Его взгляд бегал по шкафам, столам и полкам в поисках хоть какой-то надписи с её именем – Луиза Диалло.

– Сэр, вы что-то ищете? Поторопитесь, мы скоро закрываемся, – произнесла сидящая рядом за компьютером седая женщина.

– Да, конечно, мэм! Будьте любезны, у вас есть роман Паоло Джордано «Одиночество простых чисел»? – спросил Вильмонт, не прекращая оглядываться по сторонам. Женщина заглянула в монитор. Не прошло и двадцати секунд, как она объявила:

– Пожалуйста, сэр, возьмите ваш талон, только поторопитесь. Вам нужен третий ряд, шестой уровень, двести девятнадцатый номер.

Вильмонт поблагодарил женщину и торопливо направился в указанном направлении. И, пока искал книгу, всё больше запутывался в паутине навязчивых мыслей.

«Чёрт, почему же я не приехал раньше? Библиотека сейчас закроется, и что потом? Где её искать? И вообще – чья это визитка? Может, она вообще здесь не работает?»

Сомнения накрыли его с головой прямо возле нужной ему полки. Он быстро достал книгу, открыл наугад на шестой главе и прочёл выхваченный взглядом отрывок:

«Они простояли несколько минут в самом дальнем углу на школьном дворе, прижавшись губами друг к другу, не осмеливаясь даже шевельнуться. Когда закончили целоваться, парень сказал «спасибо» и удалился с гордо поднятой головой пружинистым шагом взрослого человека.»

«Хмм... Однако!» – подумал Вильмонт и поставил книгу обратно. Неожиданно он услышал чей-то голос:

– Спуститесь, пожалуйста, в архив, кажется, миссис Диалло ещё на месте.

Услышав знакомое имя, Вильмонт удивился: «Миссис? Она, значит, замужем?» И тут же устремился за женщиной, которая направилась к лестнице в подвальное помещение. Когда он оказался у стола с надписью «Луиза Диалло», миг радости сменился глубоким разочарованием: неожиданно выключили свет, и он не смог разглядеть обладательницу фамилии. Художавая женщина в очках, которая стояла перед ним, резко направилась к выходу. За ней понёсся и Вильмонт. Всколыхнувшаяся в его душе надежда мгновенно начала таять. «Какая глупость! Я так надеялся, что найду её здесь... Значит, опоздал; а может, визитка и вовсе не её. Глупая затея, ничего не скажешь. И, чтобы это понять, мне надо было тащиться в такую даль? Пора на выход – и домой. Ну не смешно ли?»

Вильмонт окончательно решил для себя, что его затея провалилась. Он поднялся наверх и направился к выходу. Но почему-то в последний момент не пошёл по центральному залу, а прошёлся между стеллажами, оглядывая с ног до головы всех женщин и девушек, которые попадались ему на глаза. До двери оставалось всего пара шагов, как вдруг его внимание привлекла девушка в чёрном халатике, стоящая на металлической стремянке.

Она не могла достать с верхней полки какую-то коробку и отчаянно подтягивалась ещё на пару сантиметров повыше. Короткий халатик высоко задрался, оголив бёдра. Эта картина произвела на Вильмонта эффект разорвавшейся бомбы. Как и любой мужчина на его месте, он притормозил, чтобы насладиться открывшимся ему зрелищем. Вдруг девушка покачнулась, балансируя с коробкой в руках на верхней ступеньке.

– Осторожно! – крикнул Вильмонт.

Девушка обернулась на окрик, и золотистые волосы, аккуратно связанные в хвост, рассыпались каскадом по плечам, засветившись радужным сиянием.

«Боже, это она!» – чуть не вскрикнул Вильмонт, узнав её по золотистым локонам. Их взгляды встретились. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

– Ооо, это ты? О боже, а я тут... в таком виде... – одной рукой она поставила коробку обратно и поудобнее перехватила за лестницу, а другой в замешательстве одёрнула подол.

– Это же ты тогда меня чуть не задавил? Глазам не верю!

Её щёки покраснелись – то ли от смущения, то ли от радости... А, может, от злости?

– Но... как ты здесь оказался?

– Пожалуйста, только не сердись, – сбивчиво забормотал взволнованный Вильмонт. – Прости. Я искал тебя, я так тебя искал! Я очень хотел увидеть тебя снова. После нашей встречи... помнишь, я ещё напугал тебя на дороге... я всё время чувствовал себя виноватым, и... только о тебе и думал... я должен был тебя увидеть ещё раз, хотя бы для того, чтобы извиниться. Но не хотел беспокоить тебя звонками.

Под её пристальным глубоким взглядом он чувствовал себя мальчишкой на первом свидании.

– Звонками? Но откуда у тебя мой номер? О боже, ты что, следил за мной?

Вильмонт подошёл к девушке вплотную. Она оказалась как бы в ловушке между стремянкой и его сильным телом.

– Нет, что ты, Луиза, всё гораздо проще. Я нашёл адрес библиотеки и телефон на визитке, которая выпала из твоей книги, – стараясь казаться спокойным, ответил он.

– Луиза, говоришь?... Хм... – она опёрлась спиной о шкафчик и сказала насмешливо: – Прямо-таки сюжет для сценария – «Визитка из её книги»... Можно мне взглянуть?

– Вот, пожалуйста, – Вильмонт вынул карточку из кармана и протянул девушке.

Эффект был неожиданный – рассмотрев карточку, она расхохоталась.

– Ха-ха-ха! Так вот почему ты назвал меня Луизой!

– А что смешного? Разве это не твоё имя?

– Нет, конечно! Луиза – моя мама! Это она, наверное, заложила книгу визиткой вместо закладки. Она тут работает, а я ей иногда помогаю. Ну допустим... Но как тебе в голову пришло разыскивать меня – после того, как ты чуть меня не убил?

– Ещё раз прошу прощения. Понимаю, это выглядит глупо. Всё случилось так внезапно. Я задумался о своём, растерялся, и вот...

– ОК, это всё понятно. А теперь давай начистоту, – она неожиданно резко сменила тон. – Всегда вот так напрашиваешься на знакомство с девушками? Пришёл извиниться и заодно попробовать меня соблазнить?

Несмотря на то, что эти вопросы застали его врасплох, Вильмонт постарался с достоинством выйти из щекотливого положения.

– Что ты, вовсе нет! Просто судьба порой преподносит нам неожиданные сюрпризы. И, вопреки всему, настоящая любовь приходит один раз в жизни.

– Впечатляет, конечно! Но почему ты выбрал меня? Ведь ты совсем меня не знаешь, и... Ой! – она прервала свою тираду, поднесла руку к левому глазу и начала его тереть: – Можешь помочь?

– Конечно! – он подал ей руку, помогая спуститься со стремянки. – Что случилось?

– Наверное, соринка в глаз попала. Не посмотришь?

– Да-да, одну минуту! – Вильмонт нашарил носовой платок в кармане брюк. – Вот тут, в левом?

Он осторожно приподнял пальцами её нежное веко и стал искать соринку, промокая платком. От её волос исходил какой-то очень знакомый аромат – то ли свежесжатый лимон, то ли...

– Да... Кажется, всё! Уже легче! Спасибо, – она проморгалась и потрясла головой, отчего золотистые волосы смазали его по плечу.

Вильмонт, ошарашенный всем происходящим, лихорадочно придумывал предлог, чтобы её задержать, ведь библиотека вот-вот закроется. Он всем телом чувствовал непреодолимое желание, которое влекло его к этой девушке.

– А теперь можешь мне назвать своё настоящее имя? В конце концов, может быть, мы встретились не случайно! Или вот возьмём и случайно встретимся ещё раз!

– Случайно или преднамеренно? Это ещё вопрос! С тобой, я вижу, точно не соскучишься. Стефания!

Девушка протянула Вильмонту изящную ручку, задержав взгляд будто бы случайно на его широкой груди, плотно обтянутой рубашкой.

– А я Вильмонт! – с готовностью откликнулся он.

Словно какая-то высшая сила толкнула его прикоснуться пересохшими губами к руке девушки осторожным поцелуем. Проходившие мимо посетители с любопытством поглядывали на них.

– Да будет тебе! Перестань так на меня смотреть, ты меня смущаешь! Хотя, скажу тебе честно, наша вторая встреча всё же приятнее, чем первая. Очень жаль, но мне пора идти – библиотека закрывается, а я опаздываю на встречу.

– Но постой... как так... я...

В этот момент Вильмонт почувствовал, что упускает уникальную возможность, которая даётся, может быть, раз в жизни.

– Стефания, прошу, ещё минуту, выслушай! – Он осмелился снова взять её за руку. – Я всего лишь второй раз вижу тебя, и уже готов остаться с тобой, в этом городе, навсегда!

Она попыталась высвободить руку, но на этот раз Вильмонт крепко её удержал.

– Интересно, интересно. Первое знакомство – и ты уже готов на подвиги? Но подумай – может быть, я не свободная девушка? Да ещё если учесть, что каждый первый из мужчин – ловкий болтун, то мне вроде как не стоит соглашаться с тобой на свидание, так что...

Глава 5

После недолгих раздумий девушка встряхнула локонами и пристально посмотрела на Вильмонта.

– Ладно... Не знаю, зачем я это делаю, но... подожди тут, я быстро.

Добившись её согласия, Вильмонт почувствовал себя героем. Он держался с непринуждённой элегантностью. Широкие плечи развёрнуты, цветная рубашка, обтягивающая узкие бёдра и могучую грудь, распахнута в ворота, голова высоко поднята. Целеустремлённый и задумчивый взгляд парня отражал его непреклонный, в чём-то простой, а в чём-то и странный характер.

Долго томиться не пришлось. Двери библиотеки наконец распахнулись, и платье Стефании заплясало на ветру.

Словно сошедшая с обложки дорогого модного журнала, она воплощала в себе живую фантазию любого мужчины. В каждом её движении сквозил нежный призыв к любви, нежное обаяние, элегантность, контраст невинности и греха. Губы Вильмонта округлились от удивления и наслаждения из-за неодолимого притяжения её красоты. Тщательно выщипанные брови, несколько прелестных родинок на изящной шее, розовые щёки, пронзительные голубые или, скорее, цвета морской волны глаза, которые околдовывали и, казалось, хранили бесчисленные тайны, – всё это составляло особый волшебный мир её женственной красоты.

Цвет её лица был как рассветные облака, такой же нежно-розовый. А губы... Какие у неё были губы! Красиво очерченные, пухлые и до безумия соблазнительные. Ему страстно хотелось к ним прижаться, почувствовать, каковы они на вкус, и целовать их долго, глубоко, не останавливаясь. Светло-розовое платье плотно облегалo безупречный силуэт, под лёгкой тканью просвечивало женственное великолепие её безупречных форм, которые легко угадывались, подчёркнутые кантиками и тесёмками тонкого белья. И куда они вели, к чему прикасались, куда углублялись, было лишь одной из загадок, которую Вильмону безумно хотелось разгадать. Его тут же охватило желание помочь платью соскользнуть с нежных плеч... О, если бы только он мог себе это позволить... Вильмонт никогда прежде не встречал девушку, которая хранила бы в себе столько манящих тайн и загадок. «Главное, что она не подчёркивает статус замужней женщины. И уж точно не из тех, кого можно при первом знакомстве затащить безо всяких прелюдий в постель», – подумал он.

– Ну что, Вильмонт, поехали? Знаешь тут какое-нибудь хорошее местечко неподалеку? – вдохновлённо предложила она.

– К вашим услугам, мисс! – радостно откликнулся Вильмонт, указав рукой на ожидавший его на парковке джип. Стефания решительно зашагала к машине, хотя вообще-то ей было несвойственно совершать необдуманные поступки. С самого детства мать внушала ей, что любой поступок всегда должен быть обоснован. Но предложение Вильмонта заставило её отступить от правил; она согласилась на это свидание, забыв о том, что иногда поведение незнакомцев может оказаться непредсказуемым.

Перед машиной Стефания помедлила, достала телефон, видимо, хотела кому-то позвонить, но, видимо, тут же передумала.

– Прошу! – предложил Вильмонт и распахнул перед ней дверцу.

Она опёрлась на его руку, чуть вздрогнув от нежной и в то же время сильной хватки его пальцев, и, усевшись на кожаное сиденье, расслабленно откинулась на спинку, одёрнув короткое платье, которое задралось и обнажило загорелые бёдра. Вильмонт незаметно окинул их взглядом, но тут же отвёл глаза и сосредоточился на дороге. Застеснявшись, она обеими руками прижала сумку к коленям, словно опасаясь, что её отнимут. Девушка, поначалу казавшаяся ему такой смелой и уверенной, в машине вдруг стушевалась и замолчала, словно стара-

ясь стать как можно менее заметной. Вильмонт пытался завести разговор, но у него ничего не выходило. На все вопросы она отвечала короткими, ничего не значащими фразами. Вильмонт предложил двинуться в сторону Харбор Драйв, и она согласилась. Ему особенно нравилось там одно место, которое, думал он, лучше всего подойдёт для их общения и наверняка понравится Стефании. Там изумительно красиво, а повара готовят такие изысканные блюда, что их ощущения и чувства станут ещё острее. Но по дороге Вильмонт вдруг передумал и решил сменить направление. Стефания это заметила и взволнованно обернулась к нему:

– Вильмонт, мне кажется или мы едем не в сторону Харбор Драйв?

– Да, так и есть, ты верно заметила. Просто я поехал по другой дороге, сейчас главные магистрали забиты. Не хочу, чтобы мы с тобой стояли в пробке. Не беспокойся, скоро будем на месте.

Ответ её не убедил, и она крепче впиалась пальцами в подлокотники. Девушка явно выглядела настороженной, занятой какими-то своими мыслями. Несколько раз её рука непроизвольно потянулась к сумочке, но на полдороге остановилась. Вдруг телефон зазвонил. Стефания судорожно дёрнула молнию и, раскрыв сумку, стала нашаривать мобильник. Она торопливо вытащила какие-то салфетки, надкушенный и растаявший шоколадный батончик, и в конце концов – сам телефон, слегка запачканный шоколадом. Смутившись, она обтёрла блестящий корпус салфеткой, запихнула всё вытасченное обратно в сумку и ответила на звонок. Из динамика донёлся мужской голос, и Вильмонту удалось расслышать:

– Жду тебя тут уже полчаса, чётрь возьми! Где ты там болтаешься? Алло! Алло! Чего молчишь? Ладно, ты ещё об этом пожалеешь ...

Услышав угрозы незнакомца, Стефания быстро отключила телефон и нервно кинула его обратно в сумку. По выражению её лица было заметно, что эти угрозы стали последней каплей, переполнившей её терпение. От недовольства ситуацией её щёки покраснели.

– Похоже, напряжённый разговор, а? Не расстраивайся так, Стефания. Неприятности в конечном счёте пройдут, а мы от них становимся только сильнее.

– Возможно... А вот отсутствие у человека воспитания – это, видимо, неисправимо. Ничего не поделаешь. – Она глубоко и волнующе вздохнула, отчего грудь в вырезе платья слегка приподнялась. – Я вот о другом думаю. Мы едва знакомы, а я уже катаюсь в твоей машине. Тебе не кажется, что события развиваются слишком быстро?

Её решимость явно поколебалась.

– Вроде бы нет, я ничего такого не замечаю. Хочу сказать только одно: я благодарен за каждую секунду, проведённую рядом с тобой.

Казалось, эти слова ещё больше её расстроили.

– Ну конечно. Все вы, мужчины, всегда такие добренькие, внимательные в первые моменты знакомства! А сразу после первой ночи меняетесь как хамелеоны. Это же про ваши поступки пишется в книгах: «Всю ночь они провели вместе, а наутро он сказал ей «прощай»! Разве это не преступление – так предавать и оскорблять чувство любви, а?

– Да, но... – возразил Вильмонт. – Мне кажется, ты несправедлива. Во-первых, мне не нравится, когда ко всем мужчинам подходят с одной меркой. А во-вторых, с тобой точно ничего такого не произойдёт, будь уверена.

– Хотелось бы хоть раз в это поверить, – ответила она, вздыхая.

Спустя полчаса джип остановился у ресторана «Броктон». Это испугало её, она сразу запаниковала. «Почему он соврал? Он же сказал, что мы едем в другое место? Кажется, я снова не с тем связалась... Эх...» Стефания всегда гордилась своей выдержкой, но тут, не сдержав своих чувств, рывком повернулась к Вильмонту.

– Зачем мы приехали в Ла Хойя? Что за новости? Ты же говорил – мы едем на Харбор Драйв? Как ты всё это объяснишь? Я же говорила, что все мужчины – вруны!... Как же так? Не успел со мной познакомиться – и уже от тебя одни неприятности! То чуть не задавил меня,

то непонятно зачем приехал искать меня в библиотеке, а потом наобещал поехать в ресторан и теперь везёшь совсем в другое место... Что вообще всё это значит?!

Мысли в голове Вильмонта метались, как стайка испуганных мышат, ведь сейчас все его усилия, предпринятые, чтобы отыскать и удержать эту чудесную девушку, могли оказаться напрасными. Он попытался её успокоить.

– Ну что поделывать, разрешаю тебе призвать меня к порядку или, если хочешь, вообще послать подальше. Говорю, ты зря испугалась! Я не хочу тебя обидеть. Это был всего лишь сюрприз. Пока мы ехали, я передумал и свернул в другую сторону. Что тут такого? Поверь, это место тебе тоже понравится.

Стефания подняла на него взгляд, словно раздумывая, верить или не верить, и задумчиво взгляделась в его красивые глаза.

Вильмонт быстро вышел из машины, распахнул дверцу со стороны Стефании и протянул ей руку:

– Прошу. Дай мне сумочку.

– Это ещё зачем? Что за самоуверенность такая?

Вильмонт, не дожидаясь её согласия, взял сумку с её колен.

– Это уже ни в какие ворота! – встрепенулась Стефания.

– Может, всё же подашь руку? – и он уверенно протянул ей раскрытую ладонь. Стефания, всё ещё недовольная, подала ему руку и выбралась из машины. Всё это время её не покидала мысль о том, что всё происходящее с ней – какой-то глупый розыгрыш.

Двери ресторана гостеприимно распахнулись перед ними. Стефания слышала об этом прекрасном месте в Сан-Диего, но за три года учёбы в университете так и не удосужилась здесь побывать.

– Как тебе это место? – спросил Вильмонт, когда они вошли в ресторан.

– Ничего, неплохо. Но всё же зачем было мне так морочить голову, а?

– Прости, но я задумывал это как сюрприз. Давай-ка лучше присядем. Место выбираешь ты.

Она обвела взглядом помещение и указала на выход на террасу.

– Согласен! Неплохой выбор. Прошу.

Вильмонт галантно пропустил Стефанию вперёд. Они расположились за самым дальним столом у стены, откуда хорошо было видно всю террасу.

Они заказали ужин и бутылку шампанского. Под влиянием прохладного напитка Стефания расслабилась и успокоилась. Ей понравилось выбранное блюдо: тимбале из крабов с поджаренными ломтиками лосося. Вооружившись ножом и вилок, она поглощала еду с таким аппетитом, что Вильмонт с весёлым удивлением наблюдал, как она отправляет в рот кусочек за кусочком.

– Извини, Вильмонт, хоть я и ужасно проголодалась, но не могу спокойно есть, когда ты так сверлишь меня взглядом. Возьми тоже попробуй! – предложила она.

– Спасибо, Стефани, очень мило с твоей стороны, но мне приятно просто смотреть, как ты ешь, – ответил Вильмонт. – Если честно, я как раз хотел сделать тебе приятный сюрприз, только вот немного не рассчитал, не сообразил, что это может тебя напугать.

– Значит, плохо старался. Ещё немного, и я бы послала тебя подальше, – поддела она его с улыбкой, отделавшись наконец от тягостных мыслей. – Вильмонт, скажи честно – зачем ты всё же бросился меня искать? Ты ведь даже толком меня не разглядел!

– О, это тебе только кажется! Ещё как разглядел! Как я мог упустить такую красавицу, как ты, с такими необыкновенными глазами? А губы... ты хоть знаешь, какие у тебя губы? Я таких никогда не видел! Знаешь, что я о них думаю?

– И что же ты думаешь?

– Я думаю, женские губы дают представление о другой, скрытой части женского тела...

– Оригинально! А ты, оказывается, ещё тот нахал! Переходишь все границы! Ты случайно не поэт?

– В некотором роде – да. Иногда даже выступаю...

– ... Я так и поняла по цвету твоей рубашки! Тогда жду приглашения на твоё выступление. Хотя, знаешь, я обожаю классику, особенно Бетховена.

– У тебя отличный вкус. А на свой концерт я тебя с удовольствием позову. И, может, даже совсем скоро. Если, конечно, ты хочешь.

– Ловлю на слове! Хотя мне кажется, что ты просто хочешь произвести на меня впечатление. Но сразу хочу предупредить – не обольщайся, это не так-то просто!

Казалось, она совсем пришла в себя и теперь чуть насмешливо улыбалась.

– Не знаю почему, но я всегда отпугиваю парней. А с тобой у меня всё по-другому. Не пойму, с чего это я сразу согласилась пойти с тобой на свидание? Если честно, я вообще не хотела ни с кем знакомиться, жутко надоели все эти навязчивые ухаживания.

Она тут же смолкла, как бы опасаясь сказать что-то лишнее.

– Я не знаю, зачем мне вообще всё это. Отношения с мужчинами мне ничего хорошего не приносят – одни страдания и проблемы. А последнее время вообще лезут одни сумасшедшие. И вот я, Вильмонт, для себя решила так: больше никаких романов. Никаких новых мужчин мне не нужно: ни с толстым кошельком, ни с платиновой картой, которые сразу тащат тебя в постель. Я просто хотела побыть немного в одиночестве. А тут неожиданно сваливаешься с неба ты... То есть возникаешь из ниоткуда посреди дороги... Хм, ладно, не будем о грустном... А потом я чуть не сваливаюсь тебе на голову со стремянки в библиотеке, а ты, весь такой крутой, в веселенькой рубашке и стильных брюках, не хуже звезды Голливуда... – она смерила его чуть лукавым и вместе с тем задумчивым взглядом.

– Ну и круто же ты меня изобразила, ничего не скажешь, – расхохотался Вильмонт. – Знаешь, сейчас я поверю всему, что ты скажешь, даже если это неправда. Можно я тебя ещё кое о чём спрошу? Кто тебе звонил в машине?

– Ах, ты об этом... – она сразу как-то сникла. – В английском языке сорок тысяч слов, но и их не хватит, чтобы описать эти мои отношения. Так, ничего особенного, пустая трата времени. Но знаешь что? Ты задаёшь мне столько вопросов, а сам ничего о себе не рассказываешь. Хочешь разузнать обо мне всё прямо на первом свидании?

– Да! И представь себе, хочу этого больше всего на свете! Ладно, слушай. Если в двух словах: живу в Пасадене, работаю в Лос-Анджелесе. А вообще... мужчина на первом свидании должен меньше говорить о себе...

– Ах, так ты, оказывается, приезжий, «мистер внедорожник»? Роман на расстоянии... Забавно, да, забавней не придумаешь. Честно говоря, не верю я в это всё... – Она выпила ещё шампанского и вытянула под столом стройные, как гитарные струны, ноги. – Ладно, так и быть, расскажу ещё немножко о себе, – согласилась она и изобразила на лице задумчивость. – Ммм, с чего бы начать? Моя жизнь – совсем обычная, и у меня всё просто. Я родилась в далёкой галактике... в Бельгии, в городе Брюгге. А ещё у меня правая ступня вдвое больше левой. Надеюсь, ты умеешь делать массаж ступней? Ещё я – страстная любительница поэзии и политически верно ориентированная феминистка... Так, надеюсь, ничего не забыла?

– Оригинально и откровенно, – со смехом оценил Вильмонт. – Значит, ты из Европы? Забавно. А я, представь себе, родился седьмого числа седьмого месяца, и мне ужасно не везёт с девушками!

– Я сразу это поняла, хотя на первый взгляд ты очень самонадеянный. – Она отпила глоток шампанского и продолжила. – Знаешь, Вильмонт, я ещё в детстве поняла, что в этой жизни нельзя слишком доверять людям, и полагаться можно только на себя. Моя семья переехала в Америку, когда я была совсем маленькой. Потом отец бросил нас и вернулся в Европу, а мы с мамой остались тут. Через три года у меня объявился отчим. Оказался редкой сволочью...

Представляешь, этот гад при любом удобном случае лупил меня щёткой для волос, как какого-то паршивого щенка! Я его возненавидела, и, слава богу, в один прекрасный день мама всё-таки выгнала его. А потом я как-то благополучно миновала все опасности подросткового возраста, ни разу не помыслила ни об алкоголе, ни о наркотиках, ни о запретных фильмах. Меня больше манили путешествия, новые интересные места. Сейчас-то поехать за границу для меня не проблема, могу иногда позволить себе такую роскошь. Но я ужасно рада, что судьба привела меня сюда, в Сан-Диего. Для меня это не просто город, а колыбель любви, жемчужина Тихоокеанского побережья. Жизнь тут такая яркая и разнообразная, напоминает детский калейдоскоп, где яркие картинки всё время меняются. Здесь и мой университет, учусь там на факультете «Бизнес и финансы». Я просто обожаю калифорнийский стиль жизни, ощущение вечного лета. Этот город всегда дарит вдохновение и позитивную энергию. Гуляешь среди всей этой красоты – и как-то забываешь про свои проблемы, не грузишься мелочами.

– Да, согласен, красота природы заставляет подняться над реальностью. Мне так вообще скучно жить, когда не сую повсюду свой любопытный нос и держу на привязи свою фантазию. Поэтому всегда в кайф выбиться из привычного ритма жизни, сжечь негативные эмоции, набраться новых впечатлений. Обожаю путешествовать. В любой точке земного шара можно найти необычные места и интересных людей. Вдохновение, вдохновение, распутывание паутины мыслей, полная самоотдача, никакого лицемерия. Вот такая у меня карма!

– Отлично сказано. А скажи, Вильмонт, в чём для тебя состоит счастье?

– Счастье?... Конечно, в этих самых минутах, которые я провожу рядом с тобой.

– Честно? Не знаю, можно ли верить твоим словам...

– И даже то, что ты сладкоежка, мне в тебе тоже нравится!

– А, так ты следил за мной в машине? Когда я телефон шоколадом измазала? Мне очень стыдно. Кстати, шоколад – моя тайная страсть, запомни это!

– Непременно! А знаешь, я умею загадывать желания на воздушном змее.

– Интересно! И как же это?

– Очень просто. Пишешь своё желание на бумажке, нанизываешь её на верёвочку, за которую привязан змей. Если бумажка поднялась на самый верх, желание исполнится.

– Хорошо, а если ветер сорвёт листок, или змей упадет на землю?

– Тогда желание окажется там, куда улетают все забытые мечты.

– И где же находится это «там», интересно?

– На дне самого глубокого океана, – улыбнулся Вильмонт и взял её за руку. – А теперь я хочу сказать тебе кое-что очень серьёзное. Должен тебе признаться, я чувствую какую-то вибрацию рядом с тобой и очень хочу к тебе прижаться. Я влюбился, слышишь? Всё время думаю только о тебе.

Она была потрясена неожиданно откровенным признанием.

– Ты не ошибаешься, Вильмонт? Знаешь, люди иногда принимают вымысел за реальность. Для меня любовь – это не одно свидание, не один вечер, проведённый вместе в ресторане или в постели. Любовь – это быть рядом, быть вместе навсегда. Понимаешь? Это путь длиною в жизнь...

От резкого движения головы светлая чёлка девушки упала на изогнутую бровь, прикрыв один глаз. Поправив чёлку, она решительно продолжила:

– Мне кажется, мы слишком далеко зашли. К тому же часы показывают, что мне пора домой.

Вильмонт понял, что поторопился.

– Прости, Стефания, не хотел тебя обидеть...

– Нет-нет, мне и правда пора ехать.

– Домой? Ну хорошо, как скажешь, сейчас я отвезу тебя.

– Нет, Вильмонт. Опять ты за своё! Тебе когда-нибудь говорили «нет»?

– Нет...

– Тогда я буду первой! Спасибо тебе, мне с тобой было так хорошо! Но домой я поеду одна. Коронадо здесь совсем рядом, я вызову такси.

– Мы ещё увидимся? – спросил он, глядя в её глаза и надеясь на новую встречу.

– Может быть. Всегда остаётся шанс! – загадочно ответила она, пощёлкивая длинным ногтем по стеклу играющего острыми гранями фужера, на дне которого колыхалось несколько капель шампанского, и покручивая его туда-сюда.

Они вышли на деревянное крыльцо и стали дожидаться такси, глядя на океан, туда, где на горизонте печально маячила стайка кораблей. В сумерках летнего вечера, плавно перетекающих в ночь, они оказались в опасной близости друг от друга. Испепеляющий взгляд Вильмонта вонзался, словно скальпель, в быстро бьющееся сердце Стефании.

– Вильмонт, я знаю, мне нужно вести себя осмотрительней... Но мне с тобой так спокойно и хорошо!

Охватившая Стефанию сладкая истома повела её назад, потом качнула вперёд. У неё закружилась голова, и она непроизвольно припала к груди Вильмонта. Он ловко подхватил её затрепетавшее тело.

– О господи! Как же ты волшебным пахнешь... – прошептал он, коснувшись губами мочки её уха и почувствовав дрожащее дыхание, срывающееся с нежных губ.

– Вильмонт, мне кажется, мы нарушаем дистанцию, – еле слышно прошептала Стефания, пытаясь остановить его. – Давай присядем и... – и гравитация довершила остальное.

Вильмонт заставил Стефанию умолкнуть на полуслове, жадно прильнув губами к её губам. Её руки отказались подчиниться доводам разума и, чувствуя жажду прикосновений, обхватили его мускулистые плечи. Она почувствовала в животе порхание бабочек. Глаза были прикрыты подрагивающими веками, по всему телу от пяток до макушки пробежали горячие волны. Она несколько раз якобы уворачивалась от него, но ошарашивающее наслаждение, который доставил ей неожиданный поцелуй, рассеяло малейшие остатки сомнений. А жадно скользящие по её нежной шее обжигающие губы Вильмонта, которые будто бы пробовали прохладный спелый плод, привели её в полное исступление, которое испарило до последней капли желание сопротивляться.

Вильмонта захлестнуло непреодолимое желание – утонуть в непокорном водопаде её локонов, вдыхать пьянящий аромат нежной шеи, сплетаться с её загорелыми бёдрами... Его ладони лёгким ветерком пробежались по нежной бархатистой коже. Он плотно прижался к её затвердевшей груди и дрожащим коленом прикоснулся к пылающему огнём мыску между ног девушки, не обращая внимания на подспудное чувство стыда за то, что их могут застать в любой момент. Оказавшись пойманной между искушением и разумом, Стефания несколько раз вздрогнула, как от электрошока, и отстранилась от Вильмонта. Девушка ещё находилась на пике чувственного наслаждения, её губы оставались чуть приоткрытыми, пробуждая воспоминание о недавнем страстном поцелуе. Её лицо излучало тот волшебный свет, который не позволял Вильмонту разомкнуть объятия. Счастливые и в то же время опустошённые ярким всплеском чувств, они продолжали стоять, дожидаясь такси и тесно прижавшись друг к другу.

Глава 6

По дороге в Лос-Анджелес Вильмонт прокручивал в голове события этого вечера в мельчайших деталях. В мыслях творился настоящий хаос. Густая пелена застилала глаза, и он опять и опять выпадал из реальности. Поздно ночью он приехал в Пасадену и долго не мог уснуть. Далеко за полночь лёгкая дремота всё же сморила его и унесла в прекрасный мир эротических фантазий. Он с головой окунулся в волшебный мир по имени Стефания, неистово целовал и нежно ласкал своё обнажённое сокровище. А она в его объятиях в порыве неукротимой страсти исходила исторгнутыми из самой глубины души вздохами и стонами. Его охватил неопи-сываемый восторг; казалось, она вся, целиком принадлежит ему. Но увы – наступившее утро вернуло его к реальности. Вильмонт с сожалением понял, что всё, что происходило в постели, было лишь плодом его воображения. Всё утро и все последующие дни его продолжали мучить свирепое нестерпимое желание и откровенные фантазии.

Возникшие за столь короткое время необъяснимые чувства к этой девушке совсем не были похожи на то, что с ним обычно бывало до встречи с ней. Влюблённость с каждым днём перерастала в нечто большее, и он пытался понять почему. Вот раньше он запросто знакомился с девушками и так же легко расставался и, попроси его, мог бы написать трактат на тему «Как завоевать девушку с первого свидания». Вильмонт всегда умел держаться со своими избранницами на расстоянии, рассчитывая не более чем на короткую пылкую связь без обязательств. Только одной из всех удалось немного сблизиться с ним. Но вскоре он расстался и с ней, потому что она никак не могла научиться убирать за собой грязную посуду, застилать смятую постель и отучиться постоянно прятать нижнее бельё под его подушку. И, конечно, те незамысловатые чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал к Стефании. Казалось, всю свою жизнь он шёл по дороге, которая вела его к этой девушке, и только к ней одной. Она, видимо, и была той самой женщиной его жизни. Он продолжал жить весь во власти желания услышать из её уст сокровенный крик глубочайшего откровения, любить её безрассудно, долго и страстно, любить, пока их обоих не покинут силы.

Все его попытки отвлечься от мыслей о Стефании были напрасны. Он двигался словно в вязкой пелене густого тумана. Она была рядом с ним повсюду: дома, на работе, за рулём. Он не мог не думать об этой дивной женщине, неожиданно и таинственно заполонившей всё его сердце.

Сгустившаяся кровь бродила в его жилах, то и дело вскипая в возбуждённом, взвинченном, до предела напряжённом теле. Он испытывал сумасшествие, которое неизбежно рождается в сильном порыве сладострастия. В таком состоянии, наверное, легче выскочить из собственной кожи, чем избавиться от чувств, которые будто бы держат твоё тело в тисках.

Созваниваясь по сто раз на дню, они долго говорили обо всём и ни о чём, лишь бы только услышать в трубке долгожданный голос. Темы для разговоров были самые разные, слова текли неостановимым потоком. Их телефоны постоянно тренькали от полученных сообщений, которые электрическими импульсами будоражили сознание. Каждый из них получал ни с чем не сравнимое наслаждение, похожее на глоток свежего воздуха. В предвкушении обещанной встречи чувства достигали наивысшего пика, вплоть до нервной дрожи. Ждать момента, когда они вновь увидятся наяву, не в мечтах, пришлось почти неделю, шесть долгих дней. А ведь известно, что в трепетном ожидании встречи даже часы ожидания невыносимы, как мучительное отбывание срока в тюремной камере.

И вот наконец долгожданные выходные... Пришла пора выплеснуть переполняющие душу эмоции, успокоить разыгравшиеся нервы.

Проснувшись утром, Вильмонт запихнул какие-то вещи в маленький чемоданчик, положил в чехол гитару и положил в красивый пакет подарок, когда-то купленный им в Париже для

девушки, с которой давно расстался. Украсив пакет ленточкой и окрылённый возбуждением, Вильмонт выдвинулся в путь.

За день до этого он условился встретиться со Стефанией в полдень на прежнем месте, в Сан-Диего, в ресторане «Броктон». Выехав из Лос-Анджелеса, он написал ей сообщение. Ответ долго не приходил, и он забеспокоился. Каждые две минуты он в нетерпении поглядывал на молчавший мобильник, и всё-таки вздрогнул от неожиданности, услышав сигнал пришедшей эсэмэски.

«Привет, милый! Извини, обстоятельства поменялись. Сегодня очень занята. Возникли проблемы в универе, когда освобожусь, не знаю. Я».

Он прочёл сообщение один раз, второй, но смысл написанного до него никак не доходил. Остановил машину на обочине. От роя нахлынувших мыслей ехать дальше он не мог.

«Что за бред? Как такое может быть? Она ведь знает, что я еду к ней. Мы же договорились, всю неделю говорили об этом. Бред какой-то, несусветный бред! Ааааа! У неё, наверное, кто-то есть. Ну конечно! Тот тип, который звонил ей, когда мы ехали в машине. Как только я, идиот, сразу не догадался... Такая девушка не останется без внимания мужчин... Вот они какие, женщины...»

Вильмонт, как мог, успокаивал себя:

«Да к чёрту всё... В конце концов, забыть, забыть её, как страшный сон. Иначе точно сойду с ума. Это роковая женщина, раз меня так тянет к ней, что не могу с этим справиться. Всё, Вильмонт, с тебя хватит, никаких больше влюблённостей! Не будь идиотом. Любовь – это или красивая сказка, или тяжёлая болезнь, и все женщины в этом плане в принципе одинаковы. Всё, всё, к чёрту! А ещё спрашивала – в чём для меня счастье... Ну, хватит разводить нюни, надо возвращаться...»

Запутавшись в паутине навязчивых мыслей, он нервно швырнул телефон на заднее сиденье, вышел из машины и уселся на камень под раскидистым деревом у дороги. Измученный происходящим, Вильмонт вытянул из пачки сигарету, зажёл её и сделал несколько глубоких затяжек, чувствуя головокружение от хорошей дозы никотина.

Прошел час. Вильмонт, не дождавшись ни одного звонка, в убитом настроении влез в машину. Проверил телефон – ничего. Со злости он зашвырнул аппарат обратно на заднее сиденье. Минут через десять он всё же решился его ещё раз проверить, долго шарил по сиденью и в конце концов нашёл между кресел. От удара телефон выключился. Он быстро надавил кнопку включения и ждал несколько долгих секунд, пока экран засветится. Прошло ещё немного времени. Никаких уведомлений о пропущенных звонках или сообщениях. Это окончательно взбесило его.

«Что за хрень! Это такой розыгрыш, что ли? Да пошло оно всё!»

Дико возбуждённый, потеряв доставлявшее ему проблемы место, он резко завёл мотор, развернул машину и стал ждать момента, чтобы вклиниться в поток машин, следовавших к Лос-Анджелесу.

Неожиданно телефон проснулся: сообщения посыпались градом одно за другим. Быстро листая их, Вильмонт искал одно, самое важное для него в эту минуту, – от Стефании. И вдруг – вот оно! И не одно, а... раз, два, три... целых шесть!

Он резко заглушил двигатель, полностью погрузившись в чтение.

«Извини, Вильмонт, села трубка, не могла тебе написать.»

«Милый, мне очень жаль! Получилось так, что освобождаюсь только к вечеру. Даже нет возможности поговорить, чёртова батарейка снова садится. Найду зарядку и сразу позвоню!».

«Пожалуйста, не дуйся на меня! Поезжай сразу ко мне домой, адрес – Коронадо, Авеню 474 Г. Располагайся там. Я тебе доверяю и надеюсь, что не ошибаюсь!»

«Только смотри не ройся там в моём белье! Знаю-знаю, мужчины это обожают (Смайлик)».

«Ключи достань из почтового ящика, через отверстие внизу.»

«Пока-пока! Убегаю, до вечера, соскучилась по тебе!»

Ошеломлённый, Вильмонт сначала даже не сообразил, что происходит. «О чёррт! И надо же было держать меня в таком напряжении, чтобы потом взять и пригласить к себе домой!»

Постепенно он пришёл в себя, открыл бутылочку воды, отпил, собираясь с мыслями. Завёл машину и двинулся в сторону Сан-Диего.

Взбудораженный, потрясённый неожиданным поворотом событий, он в конце концов удовлетворённо хмыкнул. Никогда мир не казался ему таким прекрасным. Её сюрприз превзошёл все ожидания. Желание снова достигло высшей точки. И снова в своих фантазиях он видел её, похожую на таинственную королеву с большим сердцем и огромным сияющим солнцем внутри. Его тело буквально трясло от приближения рвущейся изнутри волны необузданной страсти, которая то вздымала его ввысь, то низвергала в бездну. Теперь осталось заполучить её в свои объятия, и он обязательно приведёт её в исступлённый, безумный восторг. Будучи в душе поэтом и романтиком, он решил, что настал удобный случай проявить и свои кулинарные способности, воплотить свои навыки в тонкой игре прихотливых вкусов.

Глава 7

Сонное блаженство позднего лета пронизывало всё вокруг. Вильмонт быстро доехал до острова Коронадо – удивительного, утопающего в зелени островка любви и мечтаний. У него захватило дух от счастья, когда перед глазами открылся потрясающий вид на бескрайнюю водную гладь и даунтаун Сан-Диего. Выехав на центральную улицу, он замедлил ход, высунулся в окно, чтобы свериться с табличкой, прочёл название – Оранж Авеню – и двинулся дальше. Найти нужную улицу не составило труда. Выбрав правильное направление, он вскоре подъехал к Авеню 474 Г.

Выйдя из машины, он взял свой скромный багаж и шагнул навстречу волнующему приключению. Вспомнив про ключи, подошёл к стоящему у тротуара почтовому ящику. Гибкими пальцами гитариста нащупал в узком отверстии ящика ключи от дома и, осмотревшись вокруг, нет ли кого на улице, аккуратно вынул их.

Неожиданно он поймал на себе чей-то взгляд. На него смотрела из дома напротив молодая девушка, чуть смущённо улыбаясь. Вильмонт отвёл взгляд и направился к калитке. Вставив ключ в замочную скважину, он из любопытства ещё раз оглянулся. Девушка всё так же стояла на пороге и смотрела на него так, будто видела уже не впервые. Потом, словно испугавшись, отвела взгляд своих чёрных глаз и скрылась, взбежав на крыльцо. Вильмонт удивлённо хмыкнул, открыл калитку и решительно шагнул во двор.

От увиденного его глаза непроизвольно зажмурились, вбирая в себя всю яркую красоту необычайно милого дворика. Пересекая изумрудную, с россыпью красных цветков бразильского жасмина лужайку, сквозь высокие пальмы вилась тропинка, которая вела к одноэтажному дому. В знойном воздухе пронёсся легкий ветерок, подхватив пару опавших листьев, и так же внезапно стих, не тронув крону высокого дерева, отбрасывающую спасительную тень.

Ключ, вставленный в замок входной двери, проскрежетал, и дверь легко отворилась. Вильмонт нерешительно встал на пороге, словно опасаясь, что дом окажется для него ненадёжным пристанищем. Потом немного успокоился, оглядел интерьер и оценил тонкий вкус его оформителя.

Судя по тому, как свежо выглядел интерьер и какой современной мебелью был обставлен дом, тут недавно сделали ремонт. Ничего лишнего, сплошные простор и лёгкость, вызывающие ощущение парения. Убранство комнат было выдержано в мягких, светлых тонах, местами оттенённых пятнами лимонного цвета. В центре многоуровневого потолка лениво вращался вентилятор в форме огромной бабочки. Гостиную застилал мохнатый бордовый ковёр. В углу располагался мягкий комфортный диван, по бокам – два кресла, заваленные грудой плюшевых подушек. В другом углу виднелся белый фальш-камин с двумя светильниками на полке. Окна выходили на передний двор и заливали комнату мягким светом. Раздвижные белые двери вели из гостиной в кухню и дальше – на задний двор.

Он заглянул ещё в одну дверь, за которой оказалась спальня. Там царственно возвышалась широкая кровать, рядом с которой на пол было небрежно скинуто тонкое одеяло, расширенное бабочками. С подоконника из белого вазона свешивались тёмно-зелёные зубчатые листья большой агавы.

Зеркало напротив кровати отразило его в полный рост. Вильмонт долго смотрел на всё это великолепие, понимая, что в этом райском уголке его скоро ожидают любовные утехи. В голове уже стали роиться нескромные постельные фантазии, и пришлось приложить усилие, чтобы продолжить осмотр.

Как и в любом доме, где живёт незамужняя молодая девушка, тут повсюду царил лёгкий творческий беспорядок. Его взгляд упал на чуть выдвинутый ящик прикроватного комода. Он осторожно приоткрыл его. Взгляду предстал целый ворох белых носков и разноцветных стрин-

гов. «Ого, и эти штучки все её?» Вообще-то он всегда думал, что женское бельё – это святое, и оно заслуживает своего пространства, скрытого от посторонних глаз. Его сразу одолели навязчивые мысли, выходящие за некие границы, а возникшее желание было настолько острым, что он ощутил покалывание в кончиках пальцев. Он решительно задвинул ящик и направился в кухню, чтобы заняться приготовлением торжественного ужина.

На кухне ему потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться, где и что лежит. Из пустого холодильника на него грустно смотрели пакет молока и бутылка апельсинового сока. Быстро сориентировавшись, Вильмонт сбегал в ближайший маркет и купил продукты для ужина.

Едва перешагнув порог и поставив на пол пакет с покупками, Вильмонт услышал стук в дверь. Обрадованный, он кинулся к двери, решив, что это пораньше вернулась Стефания, но, открыв дверь, увидел ту самую девушку из соседнего дома. Она удивлённо уставилась на него и, очевидно, не найдя, что сказать, подула на рыжие кудряшки, спадавшие на воротник клетчатой блузы, похожей на мужскую рубашку.

– Здравствуйте... Простите, не хотела вас беспокоить. – румянец залил её щёки. – Вы, наверное, заметили, что я за вами шпионила. А причиной всему моё дурацкое любопытство. – Она засунула пальцы в карманы широких джинсов. – Понимаете, это было так неожиданно – увидеть незнакомого мужчину в доме соседки, это... нечто из ряда вон... – Она застенчиво улыбнулась, слегка показав чересчур крупные передние зубы.

– Да, понимаю вас. Ничего, всё в порядке, – подбодрил её Вильмонт.

– Вы знаете, мои родители купили здесь дом, чтобы наслаждаться пляжем и тишиной круглый год. И мне сначала было скучно одной, иногда даже уши закладывало от невыносимой тишины. А с тех пор, как тут поселилась Стефания, жить стало чуть повеселей. И, помолчав, продолжила: – А... э... она дома?

– К сожалению, её нет, обещала только к вечеру вернуться.

– А, вот почему я звоню ей с утра и никак не могу дозвониться! Какая досада, – она щёлкнула языком и покачала головой.

– У вас что-то срочное? Может, я могу чем-то помочь?

– Да нет, спасибо. Просто... завтра утром я улетаю в Лондон, хотела увидаться с ней перед отъездом.

Она протянула ему узкую ладонь:

– Кстати, я Лайла.

– Вильмонт, очень приятно!

– А, вы, наверное, родственник Стефании? – новая знакомая продолжала бесцеремонно разглядывать его прищуренным взглядом.

– Да... в некотором роде, – улыбнулся Вильмонт.

– Ну что же, круто. Надеюсь, вам будет весело. Извините, пора идти. Если что, я тут напротив, – зачем-то добавила она и направилась к выходу.

Вильмонт оценивающе посмотрел ей вслед. Рыжеволосая, с тёмно-кариими глазами, которые издали показались ему чёрными, худощавая девушка. Её тощая фигура была совсем не в его вкусе. Он так и не понял, зачем она вообще приходила, и тут же переключил своё внимание на приготовление ужина. Когда всё было готово, он прилёг на диван в уголке и мгновенно отключился.

Потянувшись, он протёр глаза и взглянул на часы. Было без четверти девять вечера. Услышав звонок в дверь, Вильмонт очнулся от сладкой полудрёмы и рывком уселся на постели. Со сна он не сразу сообразил, где находится. Чтобы привести себя в чувство, похлопал по щекам. Это помогло, и он бегом кинулся открывать дверь. Перед ним стояла его обворожительная Стефания. По её пылающим щекам было видно, что она в чудесном настроении. Каждое движение девушки наполняло воздух сладким ароматом.

– Ну наконец-то! Приветствую тебя, мой рыцарь! – проворковала она.

– Привет, красавица! – восторженно отозвался Вильмонт, касаясь её уха лёгким дыханием. Взгляды встретились, его руки взметнулись ей на плечи. Повинуясь сильному порыву, он тут же притянул её к себе и приник губами к её мягким, зовущим губам. Земля словно ушла у девушки из-под ног, она выронила сумочку на пол. Какие-то бессвязные слова слетали с её губ.

– Дорогой мой... если бы ты знал, как я по тебе соскучилась, – расслышал Вильмонт.

От волнения, пробуждённого нежными поцелуями, их сердца колотились, а кровь в венах просто закипала. Страсть затуманила им обоим головы, а непреодолимое желание, усиленное недельным ожиданием, охватило их без остатка. Это было не какое-то проверенное временем чувство, а внезапный сумасшедший порыв, жаркий дурман, непреодолимое вожделение.

– Милый, не торопись, мы ещё успеем... – шептала она, отвечая на его поцелуи так же естественно, как дышала. Потом неясно пробормотала что-то насчёт ванной, чуть отстранилась от Вильмонта, подняла с пола сумочку и присела на стул.

– Ты прости, милый, у меня голова закружилась... А ты тут задремал, как я вижу?

– Да, вчера вообще не выспался, всю ночь думал о тебе...

– Милый, милый, как я рада! Это правда? Ради меня ты приехал в такую даль!

– Да что ты, не в такую уж и даль... А вот то, что у тебя был выключен телефон, заставило меня поволноваться. Не меньше, чем твои сообщения.

Она громко рассмеялась.

– О да, представляю, каково тебе было! Глупо получилось, правда. Извини пожалуйста. Я тоже вчера легла поздно, ко мне зашла соседка Лайла, стюардесса.

Вильмонт поперхнулся и, пока откашливался, не разобрал, о чём говорила Стефания.

– Что с тобой, милый? У тебя всё в порядке?

– Извини, в горле что-то застряло...

– Так вот, милый, мы с ней так заболтались, что я не уследила за временем, не говоря уже о том, чтобы поставить телефон на зарядку. А утром всё в спешке... Надо будет обязательно вас познакомить, прикольная девчонка.

– Кажется, мы уже с ней знакомы...

– Ого! Когда вы успели?

– Я только подъехал, вышел из машины, а она странно как-то стала за мной подглядывать. Потом зачем-то зашла, тебя спрашивала. Сказала, не может до тебя дозвониться, хотя, думаю, это был просто повод зайти.

– Всё может быть, она такая. Ну и как она тебе?

– Совсем обыкновенная, такая рыженькая кучеряшка, – криво улыбнулся он.

– Надеюсь, ты не запал на неё?

– Да что ты, я к таким абсолютно равнодушен!

Стефания, немного помолчав, вдруг сменила тему:

– Дорогой, ты не представляешь, как я проголодалась! У меня сегодня был ужасный день.

Она нагнулась, чтобы расстегнуть обувь. Вильмонт заметил, как узкая юбка полезла по её бедру вверх.

– Вильмонт! Ну куда ты смотришь? – с шутливой укоризной произнесла Стефания, заметив его взгляд. – Ты сейчас там дырку проглядишь... Ох, какие вы всё-таки, мужчины! – шаловливо погрозила она ему. – Ты бы лучше о другом побеспокоился. Я так спешила домой, думала, меня ждёт ужин при свечах... Думала, если мужчина – поэт и романтик, то наверняка у него и кулинарный талант! Хотя... мне кажется, или тут пахнет чем-то вкусным?

– А, это я тут... ел чипсы...

– Обжора! А обо мне ты подумал? Ладно, скажи, как тебе мой дом?

– Это просто сказка. Он и вправду замечательный. Здесь очень красиво, так тихо и спокойно. Как только я зашёл во двор, все мои проблемы остались далеко позади, в Лос-Анджелесе.

– Да, это так, мне самой здесь очень нравится. Но, к сожалению, я только снимаю этот дом. Надеюсь когда-то купить и свой собственный. А сейчас вот пустила тебя сюда, сама не знаю зачем... Ведь я о тебе почти ничего не знаю... А знаешь, мне ведь тоже интересно узнать, где ты живёшь. Может, как-то пригласишь в гости, а? Если, конечно, ты не против...

– О чём ты говоришь, в любой момент! Только я живу не один...

Стефания настороженно взглянула на него, но он опередил её невысказанный вопрос:

– Нет-нет, я не женат... Если именно это ты хотела спросить!

На её лице сразу отразилось облегчение.

– Так вот, у нас дом в Пасадене. Со мной живут мать Эвелин и младшая сестра Николь. Так что дело за тобой, приезжай, как только захочешь, или как-нибудь съездим вместе.

– Да нет, Вильмонт, наверное, мы ещё не так чтобы знакомы, чтобы представлять меня родным. И я сейчас очень занята. Извини, это я так спросила... А сейчас... я больше всего на свете хотела бы съесть сэндвич с жареной картошкой, ммм!!!

Она даже закатила глаза в предвкушении, словно вкуснее еды на свете нет.

– Серьёзно? В чём тогда задержка? Здесь поблизости наверняка есть хороший ресторанчик.

– Конечно, их тут полно. Только сначала заскочу в душ.

Она резко поднялась и направилась в спальню, не закрыв за собой полностью дверь. Вильмонт примерно так себе и представлял раньше ту картину, которую, стараясь быть незамеченным, сейчас наблюдал из-за неплотно прикрытой двери.

Сначала Стефания металась по комнате, порывисто выдвигая и обратно задвигая ящики комода, словно сама не знала, что ищет. Наконец она вытащила и накинула на плечо пушистое белое полотенце, по пути подобрала с пола одеяло и кое-как расправила его на кровати. Потом медленно стащила через голову белый топ и кинула на кровать. Бретельки бюстгалтера легко соскользнули с плеч, и его чашечки распахнулись, обнажив упруго торчащие соски, похожие на два туго свёрнутых розовых бутона. Лёгким движением, как бы в забытии она дотронулась до одного из них. Вильмонт представил, как это сделал бы он... Потом, поёрзав бёдрами, сбросила на пол скомканную юбку.

В неясном свете торшера её бархатная кожа отливала лёгким, ровным загаром, как это бывает у женщин, которые много времени проводят под палящим солнцем.

Вдруг она поймала на себе взгляд подглядывающего Вильмонта, но не смутилась, а повернулась к нему спиной и медленно стащила вниз последнюю деталь туалета – туго натянутые белые стринги сеточкой, которые были не чем иным, как простой условностью, ничуть не скрывающей её роскошные ягодички. Стефания тряхнула волнистыми завитками волос и резко повернулась к нему лицом. От неожиданности в горле у Вильмонта словно застыл рвущийся наружу комок. Оказавшись во власти вожделения, он смотрел на неё горящим взглядом. Ему казалось, что он стоит в картинной галерее и восхищается запечатлённым на полотне изображением обнажённой красавицы. Своими идеальными очертаниями и изяществом её тело напоминало мраморную статую. Вдруг «статуя» пошевелилась, и свет торшера мягко обрисовал прелестный изящный холмик между бёдер с плавными очертаниями... Больше всего на свете в этот миг Вильмонт желал изучить каждый его таинственный штришок, прикоснуться к нему, нежно погладить, даже уткнуться в него носом... В конце концов, сколько же можно восхищаться этой идеальной картиной издалека?!

Он и так уже оттягивал пик наслаждения слишком долго и больше не мог терпеть ни минуты. Его охватила необузданная страсть, и он совсем уже было решил перейти от наблюдений к действию. Но Стефания медленной походкой направилась в ванную.

Глава 8

Красота обнажённой возлюбленной держала его, не отпуская, в напряжении. Вильмонт не находил себе места: немного посидел в кресле, вышел на улицу, выкурил сигарету, снова вошёл в дом, вынул из чемоданчика пакет с подарком, положил на комод, взял гитару и стал тихонько наигрывать.

Наконец дверь ванной распахнулась. Он мельком увидел сиявшие свежестью розовые щёки Стефании. Укутанная в полотенце, она нащупала ногой у двери комнатные шлёпанцы, обула их и закружилась перед зеркалом. Послышалось жужжание фена, под его тёплым дуновением мокрые пряди, прилипшие ко лбу и щекам, постепенно распушались и падали красивыми волнами на округлые плечи. Девушка выдвинула из прикроватной тумбочки ящичек с косметикой, выбрала помаду и отточенным движением ловко накрасила губы, придав им роскошный и манящий вид. Сбросив полотенце на кровать, надела тонкий лиловый халатик и направилась к двери. Лёгкая ткань волнообразно взметнулась, следуя за каждым её движением шлейфом, похожим на клубящийся вечерний туман. Влюблённость Вильмонта неотвратимо возносилась в область заоблачных откровений.

Вильмонт пожирал проходящую перед ним красавицу горящими глазами. Он знал, каковы на вкус её обворожительные губы, каков пьянящий аромат её кожи, но не знал, как высечь палящий огонь из её кремня! Одному богу известно, как сильно за последние дни он мечтал об этом. В порыве всепоглощающей страсти он готов был броситься к её ногам, упиваться благоуханным телом, целовать и целовать, не переставая, каждую клеточку и любить её множество раз, прежде чем наступит утро...

Вильмонт с нетерпением ждал, когда она наконец приблизится к нему, чувствуя, что всё, о чём он мечтает, вот-вот случится. Но неожиданно Стефания свернула на кухню. Когда Вильмонт тихонько прокрался туда вслед за ней, она разглядывала стоящее на кухонном столике – островке света в полумраке кухни, освещённом двумя свечами, – блюдо с приготовленным им ужином.

– Оооо! Невероятно! Боже, Вильмонт, здорово же ты меня разыграл! Это лучшее, что ты мог придумать! Милый, ты устроил мне просто чудесный вечер! Если честно, именно сегодня мне не хотелось никуда выходить, – призналась она и тут же устроилась на высоком стуле, подтянув повыше полы халатика и зажав их между коленей. Вильмонт присоединился к ней и уселся напротив.

В центре столика на большом блюде красовалась живописная гора даров моря: мидии величиной с детскую ладошку, королевские креветки и морские гребешки. Всё это Вильмонт щедро полил сверху пикантным соусом собственного приготовления. Это великолепие оттеняли классический салат «Вальдорф» и свежие булочки с кунжутом. Выглядело всё это и впрямь заманчиво, источая дразнящий аромат. Рядом в ведёрке со льдом охлаждалась бутылка белого испанского вина. Довершали сервировку стола два больших фужера тонкого стекла на высоких ножках, тарелки и столовые приборы.

Стефания наслаждалась каждым кусочком сочных, солоноватых и пряных даров моря, потягивая прохладное вино под тихий аккомпанемент композиции «Бетховен Сайленс», фоном доносившейся из динамиков проигрывателя и чарующей даже на минимальной громкости. Доев последнюю креветку, разгорячённая вином Стефания оторвала половину булочки, аккуратно подобрала мякишем соус с тарелки и с наслаждением отправила в рот. Потянувшись, она поставила свои длинные ноги на подножку стула Вильмонта и опёрлась одним локтем о столик. Чуть откинувшись назад, она оглядывала Вильмонта с довольной улыбкой на лице, красиво изгибавшей её чувственные губы. Вильмонт улыбнулся ей в ответ и тоже подчистил корочкой свою тарелку.

– Это было восхитительно, милый! Твой сюрприз удался на все сто!

– Рад слышать это, радость моя. Но скажу по секрету – это единственное, что я умею готовить.

– О, я уверена, ты ещё и не на такое способен, – загадочно улыбнулась она и, взяв бутылку с вином, до краёв наполнила его бокал.

– Дорогой, давай с тобой выпьем за то... ммм... за то, чтобы в процессе соблазнения твоя стыдливость не пострадала! – она громко рассмеялась и залпом допила оставшееся в бокале вино. Потом дотянулась вилкой до тарелки Вильмонта и искусно увела у него недоеденный морской гребешок, оставив на столе россыпь тёмных капель соуса.

– Ээ-хмм, поддерживаю твой тост! И позволь мне поднять этот бокал за тебя, поблагодарить тебя за чудесный приём... и за то, как элегантно ты стащила у меня из тарелки последний кусок! – рассмеялся он, принимая условия игры, отпил из бокала, поставил его обратно на стол и потянулся за своей гитарой.

– Ой, я же говорила – ты мастер на все руки! – Стефания облизнула губы, как дикая кошка в предвкушении добычи.

– Вот послушай. Эту песню я написал перед отъездом специально для тебя.

Вильмонт приглушил громкость в динамике. Его пальцы осторожно прикоснулись к гитарному грифу, и в вечерней тишине зазвучал лёгкий перебор струн. Он с чувством запел, будто вкладывая в слова песни особый смысл:

*Когда тебя нет рядом, я робею,
Я птица слабая и не могу взлететь,
Порой боюсь, что просто не успею
Я песню о любви тебе пропеть.
Пусть песня моя будет не печальной,
Пусть сбудутся желанья и мечты,
Ведь моё сердце бьётся неустанно,
Когда со мною снова рядом ты.
Я за тобой приду и на край света,
Хотя пока витаю в облаках,
Но знаю: я успею до рассвета,
И будешь до утра в моих руках!
Увижу я, как небо застилает,
В глаза взгляну и страстно обниму.
Пусть дождик тебе тихо напевает,
Как дорога ты сердцу моему.
Ты для меня – как солнце золотое,
Люблю тебя, ведь это не пустяк,
И чувство это – нежное, святое...
Люблю тебя одну. Да будет так!*

Стефания сидела, подперев руками подбородок и восхищённо глядя на певца увлажнившимися от счастья глазами, чувствуя исходящую из его песни волну любви и нежности. Она ещё сама не до конца понимала, что влюбилась в Вильмонта, что этот мужчина целиком овладел её сердцем.

Как только прозвучали последние аккорды, Стефания включила громкость стереосистемы и пригласила Вильмонта на танец. Головокружительная мелодия в исполнении Крисси Хайнд вела их за собой, опьяняла и будила в душе потаённые желания... Идиллию прервал звон разбитого стекла, застав Стефанию с распахнутым халатом, а Вильмонта – одной рукой

ласкающего её соски, округлые и тёплые, как вишни, пока другая соскальзывала вниз по её бёдрам... Стефания в танце нечаянно задела бокал, который свалился на пол и взметнул вверх фонтан брызг. Вздогнув, нехотя возвращаясь к реальности, Вильмонт глянул вниз на винное пятно, расплывающееся на джинсах. Пара разомкнула объятия и принялась собирать осколки.

– Чёрт, извини, испортила тебе джинсы!

– Да перестань, тоже мне горе!

– Мне правда жаль, не знаю, как так получилось. Быстрее снимай, я сейчас их застираю.

Вильмонт горячо согласился с её предложением и стал торопливо стаскивать с себя джинсы. Стефания направилась с ними в ванную. Чтобы не смущать девушку, он достал из комода полотенце и обмотал его вокруг бёдер. Вдруг он вспомнил, что приготовил любимой подарок, и поспешил достать заветный пакет. Как только Стефания показалась из ванной, он устремился ей навстречу.

– Милая, это тебе! Купил недавно в Париже. Думаю, тебе понравится вещица.

Она с интересом взяла пакет, резким движением потянула за ленту, которой он был перевязан, и достала из шуршащей папиросной бумаги белоснежное бельё с голубой отделкой.

– Уау! – воскликнула она в восхищении. – Французский пеньюар! Смотри, и размер мой, и цвета мои любимые! Виль, ты на самом деле просто волшебник. Я побегу примерю, а ты тут поскучай немного! – Стефания побежала в спальню, прикрыла за собой дверь и быстро накинула пеньюар, почувствовав, как тонкая ткань ласкает нежную кожу.

Спустя считанные минуты она вышла из спальни, вся преображённая. Весь её вид говорил о том, что она безумно влюблена. Она приближалась к Вильмону лёгкой походкой, слегка покачивая бёдрами. На головокружительных каблуках, прикрытая белым шёлком, полупрозрачным и сверкающим, как изморозь на замёрзшем окне, она была похожа на принцессу из зимней сказки. Вильмонт никогда прежде не видел такого идеального сочетания чистоты и тайны. Пеньюар французского кутюрье самым волнительным образом где надо прикрывал, а где надо – обнажал прекрасное женское тело и смотрелся на Стефании как настоящее королевское облачение. Воздушное белоснежное волшебство изящно оттеняло тонкие загорелые икры и запястья, которые оставались незакрытыми. Собранные на затылке локоны рассыпались пушистым светлым облаком. Когда девушка вошла в полосу света, прозрачная ткань вся заискрилась, добавив образу ещё чуточку волшебства. Она была так нестерпимо прекрасна, что Вильмонта охватила пламенная страсть, он воспылал к ней неистовым, доходящим до иступления желанием. Он не сводил с неё глаз, не в силах ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Стефания шествовала навстречу ему с грацией пантеры, готовящейся броситься на свою жертву. Овеяв его волнами прохладного шёлка, она прижалась к нему изо всех сил и страстно поцеловала, прошептав:

– О, милый! Кажется, я немного опьянела...

Они продолжили глубокий обжигающий поцелуй. Но на этот раз это был совсем другой поцелуй – многообещающий, окончательно скреплявший их близость. Затянувшаяся томительная борьба между разумом и инстинктом наконец завершилась в пользу инстинкта.

Глава 9

Он лихорадочно срывал с себя одежду, стараясь быстрее освободиться от ненужных пут. Закружившись в хмельном танго любви, поддавшись эротическому чувству, Вильмонт и Стефания не отдавали себе отчёта в своих действиях. Реальность перестала существовать. Тела отказывались подчиняться разуму, а души от невообразимого желания слились воедино. Волна нестерпимого влечения затопила их одновременно.

– Вильмонт, что... что ты де-ла-ешь? Ты... сошёл... с ума... – дрожащим от возбуждения голосом еле шептала Стефания.

Впереди была целая ночь, но им хотелось заняться любовью сейчас, немедленно. Жадная, не знающая покоя страсть рвалась наружу из оков разума. Вожделение было столь велико, что они отбросили прочь условности и стыдливость, желая как можно скорей почувствовать вкус тела друг друга. Горящие от резких, торопливых движений, покрасневшие от неосторожных покусываний губы широко раскрылись навстречу друг другу. Языки сплелись в неистовой схватке, кровь закипала от сумасшедшей страсти. Сильные руки Вильмонта дрожали, не подчиняясь его попыткам притормозить их стремительный бег. Ему хотелось почувствовать каждую клеточку её тела, он словно струны перебирал пряди волос, похожие на шёлковые ленты.

От того, что грудь Стефании вздымалась, а её тело время от времени сотрясала дрожь, белый пеньюар соскальзывал по телу всё ниже и ниже, пока не упал на пол, обнажив набухшую до предела грудь. Вильмонт осторожно коснулся пальцами воинственно напрягшегося соска и обхватил горячими губами один, потом другой. Грудь, которую он видел до этого, подглядывая за любимой в полуоткрытую дверь и мечтая почувствовать, как она наполнится от его прикосновений, вблизи была ещё прекраснее, ещё слаще. Женская прелесть отзывалась трепетом на его лёгкие покусывания, а соски с тёмными полушариями вокруг них стали похожими на крошечные пуговицы. От его ласк тело Стефании словно пронизывали тысячи острых иголок, а Вильмонту казалось, что он нашёл забытую пристань, похожую на возвращение в детство. На душе было легко, как в младенчестве.

С каждым вздохом всё острее ощущался сладостный аромат её нестерпимого желания. Нервы зазвенели, как натянутые струны, тело покрылось мурашками, будто по нему проходили электрические заряды. Бесконечными поцелуями влюблённый Вильмонт словно вкушал нектар каждого изгиба, каждого бугорка и впадинки её прекрасного тела вплоть до кончиков тонких пальцев. Она схватилась за его мускулистые плечи и сильно прижалась к нему. Когда его пальцы неожиданно дотронулись до самой запретной границы, по её нежному мягкому животу пробежал огонь невообразимого наслаждения.

Невыносимая слабость в ногах уложила её на подушку, и она была уже не в состоянии сопротивляться. Её нежные зовущие бёдра послушно раздвинулись, как крылья распятой бабочки, подчиняясь природному инстинкту близости. Всё тело Стефании трепетало в ожидании кульминации. Казалось, океан нахлынувших чувств пробуждает внутри неё вулкан, готовый к извержению. В нетерпении она извивалась, глубоко вздыхала и издавала сладострастные стоны, сводившие его с ума. Но он продолжал, крепко держа её в объятиях, ласкать её великолепное, приносящее ему необыкновенный заряд страсти, тело. Стефания, поддавшись искушению, уже изо всех сил хотела ускорить близость с мужчиной, которого так страстно желала, чтобы освободиться от бремени одиночества. Её состояние достигло грани обморока. Наконец дрожащие пальцы Вильмонта с особой осторожностью развязали атласный бантик тонкого изящного белья и дотронулись до крошечной горошины. Подчиняясь его ласкам, достигнув вершины вожделения, её лоно раскрылось от желания, как раскрывается под лучами солнца белый олеандр. Вильмонт со сладостной медлительностью нежно соскользнул в глубокие недра

чувственности... Напряжение достигло критической отметки. Она исступлённо отдалась быстрым лихорадочным движениям, постепенно наращивая темп...

– Виль-монт... мне ка-жется... я у-ми-ра-ю... – словно шелест ветерка долетел до Вильмонта её легкий шёпот. Внезапно её дыхание оборвалось. Она закрыла глаза... Ещё несколько мгновений – и её затопили волны ошеломляющего блаженства. Тишину разорвал громкий протяжный стон, но Вильмонт тут же заглушил её восторженный возглас своими губами. Из глубинных недр источника любви и забвения будто сошла лавина, весенний паводок или вулканическая лава, словно бы вытек пряный нектар из майского цветка.

Аромат духов и пота смешались в одно облако сладострастия и наслаждения. Стефания достигла головокружительного конвульсивного пика. Истома сладострастия разлилась по её лицу. Погрузившись в бездну блаженного экстаза и сбросив пелену изматывавшей её лихорадки желания, она чувствовала себя лёгкой, как перышко, абсолютно невесомой. Она отдала всю себя без остатка своему единственному мужчине, истязателю её вожденной плоти. Даже в самых сокровенных фантазиях Стефания не могла вообразить себе, что близость с желанным мужчиной может доставить столько наслаждения. Ей казалось, что она вышла из волшебной ночи и колдовской силой оказалась в райской сказке, а мир вокруг взорвался, и звёзды просыпались на землю. Всё вокруг отдалилось, отступило куда-то в мир другой реальности, к которому она никогда до этого не имела никакого отношения.

Перевалило далеко за полночь. Смятая простыня валялась на полу. Луна заливала комнату серебряными отблесками и отбрасывала таинственные блики на обнажённую грудь девушки. За окном молчаливо покоился океан. Водная гладь сияла, как чёрный бриллиант, в оправе причудливых огней. Звёзды поодиночке вырывались из алмазного хоровода и, падая, исчезали во мраке глубокого океана. Задрав головы вверх, в комнату неподвижными истуканами заглядывали уличные фонари. Они укутывали своим светом, как одеялом, переплетённые между собой молодые тела. Казалось, сам бог сотворил эту картину и благословил их на долгую, счастливую любовь. Это была волшебная гавань любви, в которой Вильмонт бросил свой якорь.

Они обнимались, шептали друг другу сладкие слова, целовали друг друга.

– Знаешь, желанная моя, если бы я знал, что ты настолько восхитительна, никогда не давал бы обещания не трогать тебя... Ты мой подарок судьбы!

– Я обожаю тебя, милый! – шептала влюблённая Стефания.

Первая ночь близости доказала, что они созданы друг для друга, и обещала начало прекрасных, долгих и глубоких отношений. Они будто бросили вызов всему миру и, отбросив сомнения, решили здесь и сейчас стать единым целым. Незаметно сладкая истома увела их обессиленные тела в мир Морфея. Не разжимая объятий, они погрузились в глубокий сказочный сон.

Глава 10

Воскресное утро. Маленькая стрелка часов ещё не доползла до восьми, а выглянувшее из-за занавески солнце, будто играя, перемещало её тень на циферблате. Вильмонт проснулся от нежного прикосновения прижавшегося к нему юного тела. В оглушительной тишине его взгляд упал на длинные ресницы Стефании, которые двумя изящными веерами покоились на розовых от сладкого сна щеках. Окутанная складками белоснежной простыни, она напоминала спящего ангела или невинного младенца. Охваченный воспоминаниями о безумии вчерашней ночи, Вильмонт осознал, что возвышенная страсть никогда ещё так ярко не смешивалась у него с необузданным восторгом обладания. Эта женщина воспламенялась, как огонь, вспыхивала от малейшего прикосновения, и рядом с ней он чувствовал себя по-настоящему мужчиной.

Он попытался тихо, чтобы не разбудить свою богиню, встать с кровати, но неловко запутался в простыне и чуть не свалился на пол. Услышав шум, Стефания сонно подвигала пяткой и чуть приоткрыла глаза. Пробормотав что-то, улыбнулась и, свернувшись клубочком, зарылась ещё глубже в простыни и вновь задремала под доносившиеся с авеню утренние шумы.

Зазвонил мобильный. Вильмонт взял трубку и осторожно положил возле подушки Стефании.

– Милая, проснись, – прошептал он ей на ушко. – Возьми, пожалуйста, телефон.

Она приоткрыла глаза и протёрла их привычным движением, как маленький котёнок, лениво взяла трубку, поднесла к уху и хрипловатым голосом ответила:

– Алллло! – и тут же вся засветилась от радости. – Оооо! Мамочка! Доброе утро, мамочка! – девушка резко поднялась и присела на край кровати, укутавшись в простыню. – Да, мамуль, ты же знаешь, только в уик-энд могу нормально отоспаться. Как обычно, была трудная неделя, но... если приедешь, я буду ужасно рада! Ага, жду. Жду тебя всегда, давай приезжай скорее. Жду, жду!

Она отключила вызов, скинула простыню к ногам, натянула стринги, потянулась к Вильмону и нежно коснулась его груди.

– Привет, мой мальчик! – и поцеловала его в плечо, оставив на нём влажный отпечаток губ.

– Доброе утро, милая! – ответил он не менее нежным поцелуем.

– Спасибо, что меня разбудил. Это была мама. Ты ведь помнишь, как её зовут?

– Ещё бы, у неё прекрасное имя – Луиза!

Стефания улыбнулась, обняла его, мысленно поблагодарив за лучшую ночь в её жизни, и отправилась в ванную. Было слышно, как зажурчала вода.

А Вильмонт в это время занялся приготовлением завтрака. Сперва заурчала кофеварка, перемалывая ароматные зёрна. Потом в сковородке зашкворчал омлет. Тостер выстрелил двумя кусочками поджаренного хлеба, из которых Вильмонт соорудил аппетитные тосты. Пока кофе тихонько булькал в кофеварке, он выжал сок из апельсинов. Получилось, что называется, скромно и со вкусом – настоящее пиршество для изголодавшихся любовников. Вильмонт накрыл стол и, пока Стефания была в ванной, вышел во двор.

Подобно космонавту, спустившемуся на землю после долгого космического полёта, он наслаждался чувством умиротворения, которое дарило прекрасное утро, глубоко вдыхал свежий воздух, напоенный океанской солью. Полюбовался разливающейся румянцем по всему побережью зарёй, улыбнулся восходящему и уже жаркому солнышку. Прогулялся по тропинке, испещрённой причудливыми тенями пальм, вьющихся зелёных кустов и разноцветных растений. Картина пробуждающейся природы наполнила его душу вдохновением. Он вернулся в дом, постучался в дверь ванной:

– Ау! Ты долго ещё, милая?

Дверь приоткрылась.

– Кофе остынет! – заглянул он в дверь.

– Теперь я точно знаю, милый, что ты умеешь угадывать любые мои желания! – сказала она и снова погрузилась в наполнявшую ванну до краёв белоснежную пушистую пену, аромат которой напоминал только что сорванные белые цветы жасмина. В мягком колеблющемся свете ароматических свечей, создающих прелюдию для долгой, страстной любви, Стефания, словно поглощённая музыкой золотого сечения, погрузилась в дзен и уплыла далеко в звёздное небо. Вильмонту захотелось спросить её: «Не слишком ли большая ванна для тебя одной? Будь щедрой, раздели это блаженство со мной!» Но он немного опоздал. Из пены поочередно вынырнули две круглые розовые коленки, тонкая смуглая рука... Он тут же протянул ей руку, помогая встать, и укутал всё её тело мягкой махровой тканью полотенца из эвкалиптового волокна.

Стефания нанесла на тело нежный мусс, потом тихо, как хитрая лиса, подкралась сзади к Вильмонту, который в это время отвернулся, и ладонями закрыла ему глаза. Он не раздумывая схватил её и плотно прижал к себе. Огляделся вокруг и мгновенно принял решение. В этот момент стул оказался самым удобным пьедесталом для плотских забав. Вильмонт судорожно сжал Стефанию в объятиях, затем усадил себе на колени и ухватился за упругие ягодицы. Наслаждаясь близостью тесно прижатых друг к другу в узком пространстве тел, они попытались осуществить задуманное, но, как только задвигались, раздался жалобный скрип – и они, хохоча, оказались на полу вместе с грудой деревянных деталей. Вильмонт слегка ушибся, но удержал свою возлюбленную, словно спасая её от землетрясения. Пара зашлась смехом, разносившимся по всему дому.

За завтраком Стефания, поддразнивая Вильмонта, капризничала и жаловалась, что омлет уже остывший, есть его невозможно, а апельсиновый сок слишком кислый. Вильмонт наблюдал за каждым её жестом, и ему безумно нравилась эта игра. После завтрака они вышли во двор. Лёгкий ветерок развеивал золотистые пряди Стефании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.